

К 100-летию со дня рождения

Саурбек

Бакбергенов

народный писатель Казахстана

СМЕРТЬ ТЕМИРЛАНА

1

Нечто бесцветное, постоянно меняющее свое обличье и потому неуловимое для глаза – это и есть Зло. Времена Адама и Евы стерлись из памяти ныне живущих поколений. Но если все-таки допустить, что родоначальником Зла, как утверждают некоторые, является братоубийца Каин, то столь же очевидной станет и другая истина: из всех злодеев прошлого, даже самых отъявленных, никто не сравнится в жестокосердии с потомками Чингисхана, и прежде всего – с Токлоктемиром, его внуком, владевшим землями Яссы после смерти отца своего Жошы. Не было при нем ни зинданов, ни тюрем, да и не нужны они были скорому на расправу хану. Обезглавленные, со вспоротыми животами, бесчисленные жертвы его умирали там, где их настигала смерть и, оставаясь непогрешенными, долго еще служили напоминанием всем и каждому: от ханской пики или сабли живым не уходит никто.

Сказочно богатым краем владел Токлоктемир. Утопали в роскоши города От-рар, Бузык, Карнак, Сунак, Сыгынак, Жент, Ихан с их знаменитыми на всю округу ярмарками. Но жадность хана поистине не знала границ, оттого и не сводил он своих налитых кровью глаз с сопредельных владений, готовый проглотить их живьем вместе со всеми скотоводами и землепашцами. Частые набеги пополняли казну, и богатства, с такой легкостью стекавшиеся в нее, пьянили хана. Токлоктемиру уже мерещилась слава завоевателя; казалось, еще немного – и он станет вровень с правителями Самарканда и Шаша, Бухары и Хивы.

Посланные им люди повсюду рыскали в поисках золота и серебра, переманивали искусных ювелиров, умеющих делать из благородных металлов сокровища, чеканщиков, оружейников, краснодеревщиков. Однако нечего было и думать, что кто-то задаром отдаст хану своих мастеров, и потому все упиралось в золото. И тогда Токлоктемир стал торговать красавицами, которых немало было в его владениях, и быстрыми, как вихрь, скакунами. Богачи Коканда разъезжали по степям, скупая все, начиная от красивых девушек и кончая гончими псами и козьим пухом. За выбранный товар купцы расплачивались золотом. Но, как говорится, страсть к наживе хуже голода. Дело дошло до того, что однажды Токлоктемир, соблазнившийся слитком величиной с кулак, решил выменять его у купца из Кандагара на свою любимую жену Сурению. Весть об этом долетела до Арысафа, и мать Сурении Баршакатын спешно выехала в Яссы.

Некогда высокая как жердь, а с возрастом ставшая похожей на изогнутый ствол ивы светлолицая женщина от природы была наделена сметливостью. Дочери грозила беда, и если хан выполнит задуманное и вышлет ее за пределы Ясс, то не видать больше Баршакатын своей Сурении. Десятки вариантов спасения перебрала она в уме, пока не остановилась на одном: перед зятем Токлоктемиром Баршакатын решила предстать загадочной прорицательницей. Натолкнула ее на эту мысль молодая женщина по имени Сыкыпжамал, жена воина Тарагая, у которой по воле случая остановилась передохнуть Баршакатын.

Не назвав своего имени, ни словом не обмолвившись о целях своего путешествия, сидевшая за дастарханом гостя вдруг ни с того ни с сего принялась на все лады ругать Токлоктемира. Промолчав о том, что последний приходится ей зятем, она всю честила ненавистного ей жулика, злодея, кровопийцу. «Да если б суждено мне было родиться на свет мужчиной, – восклицала она, – я, не задумываясь, задушила бы этого изверга своими руками! Причем постаралась бы, чтобы голова его в этот момент была повернута в противоположную от Мекки сторону».

Тут уж и Сақыпжамал дала себе волю, и подвигла ее к этому откровенность Баршакатын.

Надо сказать, что Сақыпжамал не имела обыкновения доверять свои секреты кому бы то ни было – ни подругам, ни тем более первым встречным. Но в этот раз получилось именно так.

– Оу, сестрица! Зачем мне скрывать от людей то, что давно известно Аллаху, – я беременна. И вот однажды, к счастью или к несчастью, захотелось мне отведать змеиного мяса. Рассказала я обо всем мужу своему Тарагаю, и перед тем как уйти в поход, принес он мне черную пустынную змею. Я сварила ее и съела без остатка, даже бульон выпила. Тем и успокоила свою утробу. А в ней и ребенка, кстати говоря, теперь уже семимесячного. Только на днях, – не от змеиного ли мяса, – привиделся мне ужасный сон. Будто родила я сына, такого же черного, как съеденная мною змея. И родился-то он крошечным, но рос так быстро, что вскоре превратился в дракона. Первой его жертвой стала я. Второй – Токлоктемир. Проснулась, вся дрожа от страха. Слава Аллаху, что все это оказалось сном!

Другого разговора между женщинами не было. Баршакатын засобиралась в путь, ее гнала вперед мысль о мести.

Приехав к Токлоктемиру, она сразу же воскликнула:

– Оу, великий хан, дорогой мой зять, где это слыхано, чтобы человек продавал свою любимую жену?

Хан не произнес ни слова.

– Оу, где ты видел человека, мечтающего отделаться от красавицы, на которой когда-то женился по любви?

Хан снова промолчал.

– Или забыл ты неписанный закон: сорок дней бей поклоны тому, кто тебя хотя бы раз накормил? А ведь с Суренией ты не один день прожил, а целых пять лет. Как же можешь ты обменять на золото свою радость, свое сокровище?

Хан молчал. Только серая тень пробежала по его лицу.

– Дорогой Токлоктемир, – продолжала наседать на хана старая женщина, – ведь я и тебе довожусь матерью. Не с моей ли дочерью ты возлежал рядом? Так пожалей же Сурению, не продавай ее! Можешь продать меня, если сыщешь по-

купателя. Лучше отдай дочь мне. Ты слышишь, хан, отдай дочь матери. Или кому угодно – воину, нукеру, последнему рабу, только не разлучай нас. Не отправляй ее на чужбину. Я мать, и я низко склоняю голову перед тобой.

Токлоктемир, не разжимая губ, пальцем указал на дверь.

Баршакатын, почувствовав, что хан непреклонен, резким движением сбросила с головы жаулык, распустила свои седые волосы и запричитала. В ее бормотании можно было расслышать непонятные намеки на скорую смерть хана от руки убийцы. Токлоктемир жестом приказал выбросить ее за пределы дворца. Но в тот момент, когда сарбазы поволокли Баршакатын, из боковой двери показалась высокая и статная красавица Сурения. Несмотря на опасность, нависшую над ней, она держалась свободно и независимо.

– О, моя несчастная мать! Зачем ты пришла сюда?! Кого решила разжалобить, к чьей помощи хочешь прибегнуть?! Перед кем ты рассыпала свои седые волосы?! Что проку взывать к скале, она-то уж отзывчивее хана! Возвращайся домой. За кусок золота он хочет продать меня, пусть продает! Эй, сарбазы, слышите, не трогайте женщину! Отпустите! Дайте мне хоть напоследок обнять ее! Мама, мамочка, неужели я в последний раз вдыхаю запах твоих волос!..

С этими словами Сурения бросилась к матери и, прижав ее к груди, бросила гневный взгляд на Токлоктемира:

– Вспомни, с каким вожделением вдыхал ты аромат моего тела! А ведь он исходил от той, которая произвела меня на свет. Не можешь исполнить ее просьбу, так хотя бы выслушай старую женщину. Отплати за радость, доставленную тебе ее дочерью. Если ты задумал продать меня, противиться не буду – повинуюсь твоей воле. Только выслушай ее, умоляю! Почему ты заставляешь плакать мою мать? – Она подняла Баршакатын с пола и поправила жаулык, упавший с ее головы. – Теперь говори. Он выслушает тебя.

– Просьбу мою хан знает, к сказанному прибавить нечего. Но могу повторить еще раз: судьба мужа твоего Токлоктемира открылась мне в вещем сне. Я знаю, когда и от чьей руки доведется ему принять смерть. И если он, твой муж, захочет заглянуть в свое будущее, пусть откажется от своего намерения избавиться от жены, пусть попросит прощения у ее седой матери.

Токлоктемир, который до этого сидел как в воду опущенный и молчал, словно ему отрезали язык, вдруг и сам не заметил, как вскочил на ноги. Но дрожь в коленях заставила его тут же опуститься.

– Говори, кто хочет меня убить? Откуда тебе известно его имя? – резко выкрикнул он.

Баршакатын поняла, что задела большую струнку, и воспрянула духом.

– Или ты сама была среди тех, кто замышляет убийство? – продолжал вопрошать хан.

Настал черед Баршакатын хранить молчание.

– Где ты видела злоумышленников?

И на этот вопрос Баршакатын не ответила.

– Может, они подослали тебя следить за мной? Или ты сама метишь в убийцы, мстя за свою дочь?

Мать по-прежнему молчала.

– Если ты не назовешь имена тех, кто готовит предательство, я прикажу вас обоих сжечь на костре, тебя и Сурению.

– Ну зачем же так, дорогой! Хотя ты и смертен, но зачем торопить свой последний час. Для начала продай Сурению. Ты получишь золото, а она – достойного мужа. А вот меня, пожалуй, можешь и сжечь. Но только какая тебе в том польза? Умрешь, так и не узнав, от чьей руки примешь смерть. Срубят тебе голову, а кто – и не заметишь. Сжечь меня, дорогой зятек, ты всегда успеешь. Умный человек все-таки выведет бы сперва, что к чему...

Токлоктемир замер в полной растерянности, и Баршакатын поняла, что близка ее победа над ханом.

– Ну, раз тебе все нипочем, убей меня, брось в костер! Что же ты медлишь, кровопийца?!

– Чего я добьюсь тем, что уничтожу тебя? – спросил хан.

– Ничего. Этим ты не добьешься ничего. Так что если не дурак, подумай...

Баршакатын настолько овладела ситуацией, что даже позволила себе от души расхохотаться. Причем смех ее не был похож на смех внезапно обезумевшего человека. Наоборот, в нем явно слышались нотки издевки. Окончательно сраженный Токлоктемир вынужден был обратиться с вопросом к своей жене, той самой, которую только что хотел выменять на золото:

– Сурения, ну скажи, что мне делать с твоей матерью? Убить ее?

– Как хочешь, – с деланным безразличием отозвалась Сурения. – Убей! Но тогда и тайна ее умрет вместе с нею.

Токлоктемир переменялся в лице, куда только подевалось его бывшее высокомерие и грозный вид.

– Ты что... ясновидица, что ли? – прошептал он, подходя вплотную к Баршакатын и со страхом заглядывая в ее глаза.

– Нет, я не ясновидица. Тайну твоей судьбы мне открыли духи.

– А что еще сообщили они тебе? – заискивающе спросил хан.

Поведение матери озадачило Сурению, никогда ранее не замечала она в ней такой твердости характера. Гадая, чем все это может кончиться, она ожидала развязки, в глубине души надеясь, что победа останется за Баршакатын.

– А что еще сказали мне духи, тебе знать не обязательно. Главное – твоя судьба.

– Тогда раскрой мне тайну.

– С какой стати я должна это делать?

– А почему нет?

– Сперва выслушай и выполни мое требование.

– Хорошо, говори о своей просьбе.

– Просьба была раньше, теперь я ставлю тебе условие.

– Слушаю тебя.

Никогда еще Токлоктемир не шел на такие унижения.

Сурения не спускала с Баршакатын удивленного взгляда. Пока ей было понятно только одно: мать, бросившаяся на защиту своего дитя, становится подчас не только храброй, но и хитрой. Какую же хитрость приготовила Баршакатын, чтобы спасти свою дочь от неволи?

– Условие мое такое, Токлоктемир, – начала мать. – Дочь мою ты не продаешь, а отдаешь мне. За это я открою тебе тайну, о которой мне стало известно. Как поступить дальше, решай сам. Договорились?

– Договорились! – кивнул Токлоктемир.

– Но прежде чем я начну говорить, дочь моя должна покинуть дворец, да не с пустыми руками, слышишь! А за мной дело не станет – при любых свидетелях расскажу, когда и от кого ты примешь смерть.

...Убедившись, что Сурения в безопасности, Баршакатын в присутствии трех нукеров сообщила хану следующее:

– Сейчас я нахожусь в твоём дворце, в Яссах. Если отсюда ты отправишься по дороге, ведущей в Отрар, то неподалеку от него, к югу от Сыра, увидишь небольшой аул на берегу Арысафа. В нём живет красивая молодая женщина с черной родинкой на правой щеке. Как ее зовут, я не знаю. – Баршакатын не забыла имя Сақыпжамал, но решила все-таки не называть его. – Эта женщина беременна. Она родит сына. От него-то не только ты, но и все твои потомки примут смерть. Вот, хан, это и есть тайна, которую мне поведали духи.

2

Баршакатын вместе с поджидавшей ее Суренией сели на коней и направились в Караспан.

– Мама, о чем ты сообщила Токлоку? Откуда тебе известно, какая и от кого ждет его смерть? Ты же никогда не была ясновидицей.

– Ты права, дочка, такого таланта у меня нет. Но, оказывается, когда дитя нуждается в защите, любая мать становится провидицей. Даже, если понадобится, отправит на смерть ни в чем не повинного человека. Все это ты поймешь, когда сама станешь матерью. А пока больше ни о чем не спрашивай.

– Неужели ты кого-то выдала, мама?! Кто этот человек? Откуда ты его знаешь? Ты назвала его имя?! Кому ты пожелала смерти?

Сурения смотрела на свою мать с испугом, смешанным с ненавистью. И Баршакатын, словно опомнившись вдруг, затряслась от страха. Перед ее глазами возник образ беременной красивой молодницы, вся вина которой заключалась только в том, что она пересказала свой сон незнакомой пожилой женщине. Правда, когда-то муж ее, Тарагай, сватался к ее дочери, с которой они сейчас едут стремя в стремя. Но вскоре появился хан, и Тарагай отошел в сторону. Об этой истории сейчас никто и не вспоминает, кроме самой Баршакатын.

На протяжении всего пути она ехала, низко опустив голову, то и дело теребя гриву упрямой кобылицы. И как наваждение стояла у нее перед глазами Сақыпжамал. «Сестра, сестрица! – явственно слышался голос молодой женщины. – В чем я провинилась перед тобой? В том, что поставила еду для случайной гостии? Или в том, что увидела сон? Неужели от него вся беда? Но ведь он может и не исполниться. А вдруг он пустой? Не отводи глаз, сестрица, посмотри на меня. В чем моя вина?» – молодая женщина тянула руки к Баршакатын, и та в испуге закрыла ладонями рот, словно боясь закричать. От Сурении не укрылось подавленное состояние матери, но понять всю глубину ее переживаний она не могла.

В мирный аул, расположившийся на берегу Арысафа, был направлен отряд вооруженных воинов. Токлоктемир повелел своим воинам отыскать в нем беременную женщину с родинкой на правой щеке. Во что бы то ни стало он должен уничтожить ее собственноручно, дабы ни малейшего сомнения не оставалось, что женщина, в чреве которой находится будущий убийца хана, мертва.

– Чтоб ни единый волос не упал с ее головы! – приказал он отряду.

Пятеро воинов прибыли в аул Тарагая, вывели из юрт всех его жителей и, выбрав среди них молодницу с родинкой на правой щеке, пустились в обратный путь.

Токлоктемир долго вглядывался в лицо красивой смуглой женщины.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Сакыпжамал.

– А как зовут твоего мужа?

– Тарагай.

– И где он сейчас?

– В походе.

О воине по имени Тарагай хан был наслышан, хоть и не знал его лично. Впрочем, знакомы они или нет – не так уж это и важно! Гораздо важнее, что в животе этой вот женщины сидит будущий убийца, дьявол, которого надо уничтожить до его рождения. Дальше расспрашивать Сакыпжамал не имело смысла. Излишне было и объяснять женщине, по какой причине доставили ее в ханский дворец. Токлоктемир медленно встал с престола, приблизился к ней и несколько раз полоснул по горлу и по животу. Сакыпжамал даже вскрикнуть не успела.

– Труп бросьте на кладбище, рядом с могилой Кожахмета, – приказал он своим нукерам.

Завернутое в тряпье тело было отвезено на окраину города. Впопыхах нукеры не обратили внимания на стоящую у кладбищенских ворот девушку.

Это была Теккене, младшая сестра убитой. Пробираясь тайком вслед за отрядом, увозившим Сакыпжамал, она прошлой ночью вынуждена была заночевать у знакомых, живших неподалеку от этого места. Напуганная появлением ханских нукеров, Теккене не отважилась идти в город и решила вернуться назад кратчайшим путем – через кладбище. Когда нукеры уехали, она услышала слабый плач ребенка. Дрожа от страха, Теккене бросилась в сторону и угодила в пустую могилу, зияющую как волчья яма. Едва выкарабкалась на поверхность, как тот же плач младенца долетел до ее ушей. Сначала показалось, будто плач доносится из-под земли. Прислушавшись, Теккене поняла, что звучит он где-то поблизости. Потом, приглядевшись, заметила брошенное ханскими нукерами тело молодой женщины. Она узнала сестру по одежде. Это была Сакыпжамал. Теккене упала на землю, обнимая тело сестры и чувствуя на своих руках ее еще теплую кровь. Сердце Сакыпжамал уже перестало биться. Она дотронулась до лба Сакыпжамал. Он был мертвенно-холодным.

Теккене потянулась к плачущему ребенку, голосок которого становился все слабее. Она вспомнила, что в таких случаях нужно перерезать пуповину, соединяющую новорожденного с матерью. Но, отправляясь в путь, она никак не могла предвидеть подобного несчастья, поэтому и ножа под рукой не оказалось. Оставалось одно – перегрызть пуповину зубами, а потом туго перетянуть ее лоскутком, оторванным от платья бездыханной сестры.

Ночь Теккене провела на кладбище, закутав малыша в снятый с себя камзол. На рассвете младенец снова заплакал, требуя пищи. Теккене пришла в отчаяние от мысли, что его нечем накормить. Та, что вынашивала его под сердцем, умерла, так и не узнав о рождении сына. А сама Теккене, шестнадцатилетняя девушка, еще не раскрылась для будущего материнства. Все двенадцать цветков ее девичьих

чества свернуты в бутоны, и одного, пусть даже страстного желания спасти дитя недостаточно для того, чтобы из ее груди потекла молочная струйка.

Однако слезы – плохой помощник в беде. Теккене перестала плакать, положила ребенка, завернутого в камзол, на землю и склонилась над телом сестры. Свое последнее успокоение Сакыпжамал обрела в чьем-то старом захоронении, и сухие комья земли, брошенные руками Теккене, навсегда укрыли ее от людских глаз.

Стало светать, и Теккене, чтобы хоть как-то успокоить ребенка, приложила его к груди. Прикосновение к соску мягких губ вызвало дрожь во всем ее теле. И случилось чудо, одно из тех, на которые иногда расщедривается природа: Теккене, едва вошедшая в пору девичества, вдруг ощутила себя матерью, – из ее груди потекло молоко, единственное спасение для семимесячного младенца, который появился на свет настолько слабым, что его в пору было вынашивать в шапке-тымаке.

Вернувшись в родной аул, Теккене не стала задерживаться в нем, тайком ушла в сторону Аккента. По сути дела, она убегала от сплетен и пересудов, от тяжелых слов, которые, как перекасти-поле, в любой момент могли нагнать ее. Аккентскую дорогу Теккене выбрала не случайно, именно по ней должен был когда-нибудь вернуться из похода Тарагай вместе со своими сарбазами. Теккене то и дело обращалась к прохожим с просьбой показать, в какой стороне находятся Коканд и Кашгар, и те смеялись, не понимая, зачем юной женщине с ребенком нужны столь далекие края. Теккене оправдывалась, пытаясь за улыбкой скрыть свое смущение. «Нет-нет, – говорила она, – Коканд и Кашгар мне вовсе ни к чему, просто хочется знать, где они...»

Точно так же она ответила и одной сердобольной женщине, но увидев в ее глазах недоумение, пояснила:

- Мне надо быть поближе к дороге, чтобы дождаться нужного человека.
- Кого же хочешь встретить здесь?
- Отца вот этого младенца.
- И ты знаешь, когда он вернется?
- Нет.

Незнакомка поняла, что молодая мать сама еще ребенок, и пригласила ее пожить в своем ауле. Теккене поселилась у старушки под видом дальней родственницы, приехавшей издалека.

– Спешить тебе некуда, приди в себя, успокойся! Дождись, когда сынок подрастет и станет тебе защитой. Зачем рисковать, отправляясь с малышом в такую далекую и трудную дорогу! – наставляла Теккене старая женщина по имени Баршын. – И поскольку своих детей мне Аллах не дал, то не лучше ли будет, если ты станешь мне дочерью, а твой сынок – внуком? А когда вернется из похода твой муж, встретим его все вместе.

Мало-помалу Теккене привыкла к своему новому положению, однако главной тайны не открыла даже своей приемной матери. Так, не дойдя до Шаша и Кента, поселилась она на берегу Сарыжала, рядом с Аккентской дорогой.

- Как твоего мальчика зовут? – спросила однажды названная мать и бабушка.
- Апа, у него нет имени.
- Почему?
- Вот вернется его отец, он и назовет своего первенца. Не женское это дело – нарекать именем младенца.

Так и рос мальчик безмяннм. Со временем, когда начал он делать первые шаги, обнаружилось, что правая нога его была чуть короче левой. Очевидно, ханский кинжал еще в материнском чреве повредил сухожилие. Теккене хромоте малыша не придавала особенного значения и по-прежнему помалкивала.

Баршын, Теккене и мальчик продолжали жить одной семьей. К двум годам малыш превратился в бойкого и жизнерадостного непоседу. Баршын, глядя на него, сказала однажды:

– Тьфу, тьфу, чтоб не сглазить! Попомни мое слово, дочка, этот мальчик вырастет не простым человеком. Живет внутри него редкая сила. Какая – сама со временем увидишь, мое дело – предупредить. Старые люди зовут ее тынжы.

– Что это за сила, апа?

– Ну, вроде драгоценного камня.

– А этот камень не причинит боль моему сыну?

– Нет, наоборот, он делает человека необычайно сильным, этот камень тынжы.

– И где же он находится?

– На самом кончике сердца.

– Только бы он не принес ему зла, – вздохнула Теккене, с любовью глядя на мальчика.

Прошло около четырех лет, прежде чем до аула донеслись слухи, что сарбазы возвращаются из похода. Теперь Теккене с мальчиком без имени каждый день выходила на дорогу, соединяющую Шаш и Яссы. Она внимательно вглядывалась в усталые лица воинов, но Тарагая среди них так и не увидела.

Может быть, с годами Тарагай превратился из юноши в бородатого мужчину? Тогда Теккене трудно будет узнать его. На второй день она решила прибегнуть к помощи мальчика.

– Запомни, малыш: твоего отца зовут Тарагай. Когда на дороге покажутся воины, постарайся крикнуть погромче: «Тарагай-коке! Я здесь! Я жду тебя, Тарагай-коке! Посмотри на меня!» Если ты не будешь кричать, то он может проехать мимо, и мы никогда не увидим его.

С тех пор, как только на дороге показывались всадники или караван, мальчик звонко выкрикивал имя Тарагая. Время от времени он поворачивался к Теккене, словно ища у нее поддержки.

– Молодец, – кивала она. – Только... можно, наверно, и потише. И не забывай прибавлять к имени слово «отец».

– Тарагай-коке, Тарагай-коке! – снова звенел мальчишеский голос.

Теккене то бледнела, то краснела при этих криках. Она стояла, низко опустив голову и обняв мальчика за плечи. Но другого выхода не было. Человек, которого они ждут четыре года, мог действительно измениться. Если и он не узнает свою свояченицу, то как и когда отыщут они друг друга? Ведь даже в родном ауле никто не знает, куда подевалась Теккене. Соседи, потеряв из виду сестер, только головами качали. В округе ходили слухи, что Токлоктемир убил обеих – и старшую, и младшую. За что – про это не ведала ни одна душа на свете. Знала одна только Баршакатын, да и та предпочитала помалкивать, ничего не сказав даже своей дочери Сурении.

Однажды Теккене, как обычно, стояла с мальчиком на обочине дороги, когда со стороны Шаша показались несколько конных групп сарбазов. Небо было ясным,

стоял теплый весенний день. Едва первые всадники поравнялись с ними, Теккене шепнула на ухо малышу:

– Солнышко мое, ну же, покричи отца!

– Та-ра-гай-коке! – крикнул мальчик.

Ехавший впереди всадник повернул коня в их сторону.

– Чье имя ты назвал, мальчик? – спросил он.

Теккене посмотрела на воина, тот на нее. Мальчик стоял в растерянности.

Одна мать могла ему ответить, кто этот бородатый мужчина.

– Этот мальчик зовет своего отца Тарагай. Нет ли среди вас воина с таким именем? – спросила Теккене.

– Среди нас его нет. Но где он сейчас – я знаю. А вы ему кем приходитесь?

– Мальчик его сын, и отец с самого рождения ни разу не видел его. А я... Лучше вы без загадок скажите, где он сам. Мы так долго ждем его возвращения.

– О нет, сноха, какие тут загадки! Он жив и здоров, немного задержался в Шаше, чтобы купить на базаре подарки для вас, – растерялся молодой воин.

То, что он назвал ее снохой, хоть они и были примерно одногодки, смутило Теккене. Но разве по-другому мог он назвать молодую женщину с четырехлетним сыном?

– Ждите. Если не вечером, то утром он обязательно проедет здесь.

И Теккене осталась стоять на дороге. Близкая встреча с Тарагаем вселяла тревогу в сердце. Что она скажет? Сможет ли объяснить, каким образом она, девушка, вскормила молоком младенца? Поверит ли он, наконец, что этого мальчика родила Сакыпжамал, а не она, Теккене?

Так стояла она, буруеваемая горькими мыслями, пока мальчик снова не выкрикнул свое «Тарагай-коке!». Теккене вздрогнула и подняла голову. Несколько всадников проскакали мимо, но один из них на гнедом, с лысиной, аргамаче, отделился от группы и направил коня в их сторону. Это был Тарагай, сразу же признавший свояченицу, которая была похожа на Сакыпжамал как две капли воды. Соскочив с коня, он обнял ее и поцеловал в лоб.

– Оу, откуда ты взялась здесь, на степной дороге?

– Мы тебя ждали, Тарагай.

– А кто это с тобой? Твой сын? А где муж?

– Это не мой, а твой сын.

– А Сакыпжамал, где она в таком случае?

Заметив, что после этого вопроса Теккене едва не лишилась чувств, Тарагай понял – случилась беда.

– Вытри слезы, Теккене, – успокаивал он свояченицу. – Умный человек никогда не плачет из-за того, что уже нельзя изменить. Лучше расскажи о Сакыпжамал, жива ли она. Что с ней?

– Убили!.. Ее убили!

– Кто? Кто ее убил?

– Токлоктемир.

Даже до далекого Туркестана, куда ходил походом Тарагай, долетел слух об убийстве в Яссах молодой женщины, предсказавшей смерть хана. Правда, никогда бы он не подумал, что этой женщиной может оказаться его жена. Скрывая свою растерянность, Тарагай поднял ребенка и прижал его к груди. Потом отстранил

от себя и стал разглядывать мальчика. Вне всякого сомнения, в овале лица, в разрезе глаз, очертаниях лба проглядывали черты его, Тарагая. Зато брови были материнские, да и уши, пожалуй, тоже. С нежностью целуя сына, он вдыхал ни с чем не сравнимый детский запах.

Неожиданно для своих друзей-попутчиков Тарагай распрощался со всеми и отправился в аул, приютивший Теккене. Зять и свояченица долго разговаривали меж собою, но причину смерти Сакыпжамал так и не постигли. Если она и вправду видела сон, слухи о котором четыре года назад дошли до Тарагая, то такое совпадение не могло быть случайным. Выходит, всему виной именно сон. Но кому же понадобилось пересказывать его хану?

Немного отдохнув с дороги, Тарагай поспешил в Яссы. Никем не узнанный, бродил он по городу в надежде докопаться до правды, благо ушей у народа предостаточно, а значит, рано или поздно должны развязаться и языки.

Так все и вышло. По крайней мере, имя доносчицы он узнал, ею оказалась Баршакатын. И тогда Тарагаю стало ясно, что Токлоктемир никогда не оставит в покое ни его самого, ни свояченицу, ни тем более сына.

Вернувшись в Сарыжал, он перебрался к подножию Казыгурта. Поначалу хотел было отомстить Баршакатын, но потом отказался от этой мысли, посчитав месть недостойной для мужчины. Однако повидаться с Суренией решил во что бы то ни стало. Может, она думает, что вся эта история так и осталась для всех тайной? С этой целью Тарагай отправился из Казыгурта на ярмарку в Караспан.

– О, Тарагай! – удивилась его неожиданному появлению красивая молодая женщина. – Давненько не было о тебе вестей. Откуда ты здесь? Что привело тебя в наши края?

– Да вот приехал тебя повидать. Заодно узнать хочу, знаешь ли ты, кому обязана своим спасением.

– Ничего не пойму, Тарагай, о чем ты говоришь? Если о смерти Сакыпжамал, то я, как и все, слышала об этой истории. Но какое она имеет ко мне отношение?

– Твоя мать предала Сакыпжамал. Погубила ее ради того, чтобы спасти тебя. Давние опасения Сурении подтвердились самым ужасным образом. Она вздрогнула, словно пронзенная молнией, лицо ее стало мертвенно-бледным.

– Я не знала об этом, поверь мне, Тарагай! Ты открыл мне глаза. Ни тогда, ни позже мать не рассказывала, почему хан сжалился и отпустил меня. Только теперь я поняла это, только теперь... Я в твоих руках, Тарагай. Можешь убить меня!

– Я приехал не за тем, чтобы мстить.

С этими словами Тарагай исчез так же неожиданно, как и появился. Путь его лежал к подножию Казыгурта.

– Теккене, – обратился он к свояченице, встретившей его в шалаше, – пришло время дать ребенку имя.

– Назови его сам. Для этого мы и ждали тебя целых четыре года.

– Пусть он будет Аксактемиром. Хромым Темиром.

Теккене молча смотрела на зятя, словно не понимая, почему он выбрал для мальчика такое странное имя. Молчал и Тарагай.

– Всю оставшуюся жизнь, – медленно начал он, – я посвящу тому, чтобы вырастить и воспитать своего сына. Судьба этого мальчика предсказана его рождением – сон, увиденный когда-то его матерью, должен сбыться. Потому я и даю ему

имя – Темир, железный. Со временем, думаю, он явит потомкам крепость своего духа. А вот Аксак, Хромой, – оттого, что сын слегка прихрамывает на правую ногу. Так или иначе народ все равно прибавит к его имени прозвище – Аксак. Только потом это будет обидно для мальчика. Лучше, если слово это станет привычным для его уха с самого детства. Итак, имя его отныне – Аксактемир.

Как и прежде, жили они втроем, отыскивая безопасные места в горах Алая и Казыгурта. Тарагай промышлял разбойничьими набегами, охотой. Теккене вскормившая семимесячного ребенка своей грудью, стала ему настоящей матерью, ведь другой-то он и не знал. И ни одной живой души не было окрест, если не считать хищных зверей в горах. Аксактемир еще в детстве научился стрелять из лука, бросать копьё, орудовать саблей. Двое взрослых и ребенок ютились в наспех сделанных лачугах, где обычный костер заменял им семейный очаг. Дни бежали за днями, ничем не отличаясь один от другого. Шли они, куда гнал ветер, останавливались там, где вставала преграда.

Однажды мальчик спросил мать:

– Апа, я ведь до сих пор не знаю, откуда ты родом?

– Я родилась неподалеку от Отрара, где сливаются Арысаф и Сыр. А зачем тебе это, солнышко мое?

– Надо, – ответил мальчик, лукаво улыбаясь.

– Ты и мне скажи, я тоже хочу знать.

– Когда я вырасту, в том месте, где ты родилась, будет сооружен мавзолей, такой, как в Самарканде, и воздвигнут его в честь моей матери – Теккене.

– О, мое солнышко, у нас ведь даже крыши над головой нет!..

– Будет, апа, все будет! Так и быть, сначала я построю для тебя дом, а уж потом мавзолей.

Теккене во все глаза смотрела на сына, удивляясь его необычной фантазии.

– А теперь, апа, скажи, где родился я.

Теккене вздрогнула, сердце ее тревожно забилося. Она глядела на сына и молчала, не в силах шевельнуть языком. Вспомнилась лежащая в крови Сакыпжамал и ребенок, соединенный с нею пуповиной. Стараясь не думать об этом, Теккене решила продолжить игру мальчика и в тон ему коротко ответила:

– А ты, сынок, родился в большом городе Яссы.

– А в каком месте? Мне надо знать точно.

– Есть на окраине одно старинное кладбище. Ты родился там, возле могилы Кожакмета.

– На месте своего рождения я тоже построю мавзолей.

Этот ответ еще больше озадачил Теккене. Что за мечты такие? С чего это вдруг мальчик, сын воина и беглеца, не имеющий крыши над головой, мечтает о строительстве мавзолея? Не оттого ли, что растет один, без сверстников, с которыми можно было бы поиграть в детские игры? Этим, видать, и объясняются все странности, решила про себя Теккене.

– А отца своего ты как отблагодаришь?

– Никак. Ведь он сам говорит, что, кроме меня, ему ничего в жизни не нужно.

Теккене от души рассмеялась, и смех отвлек ее от мрачных мыслей.

– Да исполнятся твои мечты, солнышко мое!

Это было пожелание матери, хоть и не родившей мальчика на свет, но вскормившей его своим молоком.

Вдоль подножия гор едут два всадника. Прекрасна природа Алая и Казыгурта, удивительна здешняя земля. Особенно теперь, на исходе последнего месяца лета, когда перед наступлением осени полыхают ярким цветом арча и таволга. Роняют плоды абрикосовые и ореховые деревья, яблоня и боярышник. Притягивают взор и радуют душу кисти дикого винограда, поникшие от тяжести ягод ветви смородины и алычи. В воздухе порхают мириады красно-зеленых бабочек. А дикий горный лук-жуа, обладающий целебными свойствами! Не зря за ним в ущелье Алая и Казыгурта из самого Тавриза, из Герата тянутся большие торговые караваны. А что уж говорить о той поре, когда жуа начинает цвести! Долина меж двух гор-близнецов наполняется терпким, ядреным, бьющим в нос ароматом, похожим на запах перебродившей просяной бузы, от которого першит в горле! Смешанный с тонким ароматом горных цветов, он кружит голову, заставляет пьянеть без вина.

В горах, на подоблачных кручах, обитают архары, рыси, снежные барсы, дикие кошки, улары. Чуть пониже – волки и лисы, барсуки, хорьки и зайцы. А у самого подножья рыщут корсаки, воют шакалы. Из густых зарослей доносятся соловьиные трели, вскрики фазанов и кекликов. И во всем этом вольном, дышащем покоем удивительном мире есть только одно подлое и гнусное создание – сорока. Вот она, время от времени треща, летит впереди двух всадников – отца и сына. Словно манит их за собой туда, где много дичи. Ради своей выгоды – несколько глоточков теплой крови – сорока выдаст всякого, кто попадетсся ей на глаза. И сейчас она трещит, будто хочет сказать: следуйте за мной и я приведу вас к цели. И ей можно верить – приведет, без всякого сомнения, приведет. Выдавая всех и вся, сорока и охотников благодетельствует, и себя не забудет.

– Сынок, – не оборачиваясь, обратился к своему спутнику Тарагай. – Мне тут одна мысль пришла на ум. Я буду говорить, а ты слушай да на ус наматывай. Не хочу я, чтобы тебе, когда станешь взрослым, пришлось водиться с такими друзьями-приятелями, как вот эта сорока. Держись подальше от них. Рано или поздно друг с повадками сороки предаст тебя, столкнет в пропасть. И сделает это ради пустяка, ради минутного удовольствия, ради всё тех же нескольких капелек крови, которыми он смочит себе горло. Страшен не враг, а именно вот такой друг-предатель, скачущий с тобой стремя в стремя.

Сын с интересом слушал отца, напрочь забыв о трещащей поблизости сороке. Слова Тарагая казались ему открытием, в них ощущалась терпкая горечь, похожая на запах горных цветов.

– Эта сорока, – продолжал Тарагай, – ведет нас к звериным тропам. Она предает зверей, которых видит издалека, с высоты своего полета. Но в то же время она своей трескотней как бы предупреждает их и о нашем с тобой приближении. Предостерегает: берегитесь, идут два губителя-охотника с луками за спиной! Те же повадки и у двуногих предателей из числа людей, точно так же стараются втереться они в доверие, угождая и вашим, и нашим, чтобы с большей для себя выгодой предать и тех, и других. Это коварство они переняли не у кого-нибудь – у сороки!

Тарагай вразумлял сына, а сам волей-неволей думал о судьбе своей жены Сақыпжамал. Не удалось ему проводить ее в последний путь, не смог даже бросить горсть земли на ее могилу. А ведь вина и беда Сақыпжамал в том только и

заклучалась, что поведала она о своем сне Баршакатын, а та, в свою очередь, Токлоку. А дальше – смерть, такая случайная и страшная. И не стало молодой женщины, ожидавшей ребенка.

Из всей этой истории Тарагай сделал следующий вывод – если многие мужчины подобны волкам, то женщины больше походят на лисиц. Баршакатын – лисица, Токлоктемир – волк. Хитрость первой не знает предела, второй – беспредельно глуп и бесхитростно прямолинеен. Могучего природа сотворила твердолобым и недалеким, надеющимся только на свою силу, а слабого – коварным и низким.

Может, давал себя знать возраст, но только в последнее время Тарагай все чаще и чаще вспоминал жену. И двух месяцев не прожили они вместе, как сначала он ушел в поход, а потом и она навсегда ушла из его жизни. Все это Тарагай держал в тайне от сына. На неокрепшем сердце рано еще выжигать тавро ненависти, наполнять душу жаждой мести. Все это огорчило бы и Теккене, вскормившую Аксактемира своим молоком. «Придет время, – решил Тарагай, – и сын сам узнает страшную правду или услышит ее из уст своей молочной матери». А пока отец предпочитал говорить с ним намеками.

– Всему свое время, сынок, – как обычно, издалека начал Тарагай. – Когда-нибудь ты будешь потрясен, узнав, насколько мрачен этот мир, как все в нем зыбко и непостоянно. Многие перестали полагаться на свой ум и силу, зная, что хитростью и коварством можно достичь большего. Побеждают хитроумные и жестокие. Одно тебе скажу: будь осторожен! Не иди на сделки со своей совестью. Что может быть лучше честности и справедливости? Будешь честным – сохранишь душу свою незапятнанной. Будешь справедливым – тебя станут уважать те, кто уже прошел через унижения и муки. Кроме своего унижения, им нечем будет поделиться с тобой. Но помни – в мире слабых больше, чем сильных; бедных больше, чем богатых. Не пожалеешь, если встанешь на сторону большинства. Держись поближе к хорошим, и тогда плохие сами будут сторониться тебя.

Сын, не перебивая, слушал отца, и Тарагаю по душе была его молчаливость и сосредоточенность. Правда, иной раз начинало казаться, что Аксактемир чересчур холоден и скуп на чувства. Такая суровость нрава, по мнению отца, являлась отличительной чертой завоевателей и тиранов, и тогда Тарагай со страхом думал о будущем сына.

– Жил в давние времена мудрец по имени Лукпан, – начал отец свой новый рассказ. – Как и у меня, был у него единственный сын, которого Лукпан хотел воспитать чутким и отзывчивым человеком. Когда сын выходил утром из дома, вслед ему неслись отцовские наставления: «Повстречаешь старика – поздоровайся с ним за руку, ведь вполне может случиться, что это твой отец. Повстречаешь ребенка – и его приласкай, погладь по головке. Как знать, не твой ли это сын?» Я думаю, – добавил Тарагай, – слова Лукпана тебе понятны? Речь идет не о родстве, а о доброте и сердечности.

И снова Аксактемир ничем не выдал своих чувств, лишь улыбнулся краешком губ. Выходит, напрасно отец тратил на него слова, напрасно старался стать для сына первым советчиком. Эти советы достигали ушей Аксактемира, но сердце его оставалось глухим. Тарагай огорченно умолк и до самого вечера не проронил ни слова.

Место для ночлега они выбрали у южного, обращенного к Алаю, склона Казыгурта. На заброшенном становище развели огонь в земляном очаге, поставили

над ним треножник. В медном, почерневшем от копоти ведре принялись варить голову и лопатку горного козленка.

Глядя на огонь, Тарагай размышлял о своем прошлом. В каких только походах и битвах не приходилось участвовать ему. От Отрара до Герата, от Тавриза до Кандагара пролегли его военные дороги. Много повидал на свете, о многом передумал. И как сам считал, людей умел распознавать с первого взгляда. Теперь он бредет по жизни с двумя спутниками. Один из них его сын. И что самое удивительное – сколько в него ни всматривайся, ничего не разглядишь, кроме непроницаемого лица. Выходит, зря он считал себя знатоком человеческих душ.

И после ужина мысли эти продолжали тревожить Тарагая. Решил он вернуться к начатому еще днем разговору.

– Лукпан лежал на смертном одре, когда к нему пришел его сын испросить благословения. «Отец, – начал он, – народ считает тебя мудрецом. Если ты и вправду мудр, скажи, как жить дальше? Наследства ты мне не оставил, так хотя бы дай совет». И Лукпан ответил ему так: «Каждый день ты должен есть вкусную, здоровую пищу. Во всех городах постарайся занять по дому. И один день в неделю предавайся любви с невинной и безгрешной девой. Видишь, сынок, я дал тебе целых три совета», – и сказав так, Лукпан отошел в мир иной. После сорокадневных поминок сын поведал одному из старых друзей Лукпана о последнем разговоре с отцом. «Может, когда-то он и вправду был мудрым, но перед кончиной мне вдруг показалось, что старик выжил из ума». Собеседник попросил повторить предсмертные слова Лукпана и, выслушав, воскликнул: «Воистину он был мудрейшим из мудрейших! До самого последнего часа я не отходил от него и могу засвидетельствовать, что умер он в ясном сознании. И советы он дал тебе достойные. Только та пища будет вкусной и здоровой, которая добыта в поте лица, этим отец предостерегает тебя от безделья. Далее, вовсе незачем тебе скупать дома во всех окрестных городах. Отец говорил о домах друзей, в которые ты будешь входить, как в собственные. А невинной, безгрешной девой, при условии, если ты будешь воздержан, покажется тебе твоя собственная жена...»

Тарагай закончил рассказ и посмотрел на сына. В отблесках костра лицо Аксактемира оставалось по-прежнему бесстрастным. Затаенным ехидным вопросом казались мелькающие в глазах искры. Тарагай насторожился, но не настолько, чтобы отступить совсем. Видно, не зря говорят, чем бы дитя не тешилось, а отец тешится дитятей.

– Я не столь мудр, как Лукпан, но кое в чем могу его повторить. Жить старайся честно, найди себе друзей по сердцу, будь с людьми. Не гоняйся за весельем и праздностью. Помни: и сердечный друг, и злейший враг мужчины – это женщина. Приветит взглядом – не теряй головы. И прекрасный цветок, бывает, растет на колочем стебле. И под лепестками розы, от которой глаз не оторвать, таится скорпион. Глазам цветок в радость, но сердцу от него холодно. Сам не заметишь, как душа твоя до краев наполнится злобой. Утехи обернутся бедой, надежды развеются в прах. Светлый ручеек станет мутным потоком, который погасит огонь в твоих глазах, застелет их горьким дымом. Пока не поздно, постарайся понять: ничего в этом мире не дается даром. Все требует труда, ума, прилежания. Хоженная-перехоженная дорога когда-нибудь подсунет колючку под твою пятку. Под чистым и безоблачным небом взметнется пыль и осядет на твои плечи.

Сын понимал, что отец разоткровенничался не случайно, что все слова, обращенные к нему, идут от души. Однако, несмотря на это, он сидел молча, словно прикусив язык, и отцовская печаль ничуть не тревожила его сердце.

– Как ты думаешь, зачем я живу вдаль от людей? – спросил Тарагай и сам же себе ответил. – Затем, чтобы отвести от тебя опасность. Чтобы ты смог вырасти, окрепнуть, возмужать, обрести уверенность. Недалек уже тот день, когда моя помощь тебе больше не понадобится. Будь готов к этому.

– И что же я должен делать? – спросил сын, считая свой вопрос вполне уместным.

– Хорошо, что тебя интересует это, сынок. Когда верблюжонок-сирота становится взрослым, первым делом на него надевают намордник и ставят на привязь. Когда ягненок, выросший без матери, начинает пощипывать траву, на шею ему привязывают веревку. Когда жеребенок перестает сосать материнское молоко, на него набрасывают уздечку. Потом, уже стригунку, ему подрезают хвост и гриву, обряжают в сбрую, вдевают холодные удила, седлают. И это еще не все – подпругами и подседельными ремнями стягивают грудь, живот, круп. Горький опыт заставил людей приручать диких животных, и ты, сынок, помни об этом. Нельзя прожить в одиночку. Придется смириться и с уздой, и с веревкой на шее. А не смиришься – все равно будешь грызть удила. Кандалами покажутся тебе путы на ногах. Хлестнут плетью разок-другой и выгонят попасться, но стреноженным, разве сможешь ты ускакать далеко? Чтобы не умереть с голоду, будешь есть что попало. Все это и называется жизнью.

– А может, тогда лучше и не менять ничего? Чем плоха жизнь в горах?

– Нет, человек должен жить среди людей. Не захочешь поехать в Яссы и Отрар, Бузык и Сайрам, наведайся хотя бы в Шаш и Караспан. Посмотри, как живут другие, пусть на тебя посмотрят... Только имени своего настоящего не называй. Попасться в руки к Токлоку – все равно что умереть. Твое спасение в осторожности, сынок.

– Я знаю об этом. Но разве нельзя прожить, ни перед кем не склоняя головы? Без привязи, без намордника? Так, как живут в степях и горах вольные звери – волки, лисы, архары?

– Можно, но только пока ты молод и силен. Потом...

– Спасибо за совет, коке, – перебил его Аксактемир. – Он пригодится мне в тот день, когда вы скажете, что я уже могу держать поводья в своих руках. Завтра же отправлюсь в Караспан! Посмотрю, что делается на белом свете. Вы правы – нельзя жить без людей, так и одичать недолго.

4

Вдоль подножия гор едет одинокий всадник.

Немало поездил он за последнее время, многие города успел повидать, не на одном базаре потолкался, не в одной чайхане посидел. По душе ему пришлось многолюдные ярмарки, куда стекались новости со всего света.

На этот раз дорога снова привела его в Караспан. С утра до полудня Аксактемир бродил по базару, приглядывался, приценивался, делая вид, что занят покупками, а с наступлением жары подошел к знакомой чайхане. Однако выпить пиалу чая на этот раз не удалось – чайханщик решил перестроить свое заведение, для чего и повесил на дверях огромный замок. В поисках другой чайханы пришлось идти на юго-западную окраину города, на берег Бадама.

Караспан – город не маленький, от одного конца до другого раскинулся он на длину конской побежки. В центральной части вокруг величественного дворца возвышались башни и минареты. От места слияния Арысафа и Бадама уходила вдаль большая караванная дорога, ведущая в Шаш. На самом первом повороте этой дороги, прямо при выезде из города, находилась незнакомая ранее чайхана. Сюда и заглянул Аксактемир.

Едва переступив порог, он сразу же заметил, как пристально глянула на него хозяйка чайханы. Ею оказалась статная, еще моложавая на вид женщина по имени Сурения. Долго всматривалась она в безусого джигита, старалась припомнить, на кого похож он. Потом, заметив его смущение, она ушла за штору, разделявшую помещение чайханы на две части, но и оттуда продолжала наблюдать за незнакомцем. И вдруг ее осенило: всем своим обликом, каждой черточкой лица этот юноша напоминает Тарагая. Того самого Тарагая, которого она любила в свои юные годы. Джигит, сидящий в чайхане, был точной копией его: та же стать, те же манеры, тот же высокий, открытый лоб. Вспомнилась и Сақыпжамал. По сути говоря, не Сурению любил Тарагай, а Сақыпжамал, на ней он и женился после того, как узнал о намерениях Токлока. Однако судьба Сақыпжамал всем известна, и Сурение тоже. Почему же тогда кожа у этого джигита не смуглая до черноты, как у Тарагая, а такая же, как у Сақыпжамал, – цвета пшеничного зерна? Но ведь она умерла, не успев разродиться. Тогда получается, что этого юношу, как две капли воды похожего на Тарагая, родила ему другая женщина? Окончательно запутавшись в своих предположениях, Сурения направилась в комнату дочери.

– К нам пожаловал молодой джигит, которого я у нас никогда прежде не видела, – обратилась она к Альфии. – Пойди к нему, предложи выпить чая. Если я еще не разучилась разбираться в людях, этот юноша не чета другим. Есть в нем что-то особенное. Да ты и сама увидишь. Ну, иди же, не стесняйся!

– Неудобно, мама.

– Будешь так себя вести, никогда не выйдешь замуж. Иди же, говорю тебе!

Сурения, разумеется, была не права, упрекая дочь в излишней застенчивости. Как и многие привлекательные девушки, Альфия хорошо знала о своих достоинствах. Но с гораздо большей охотой подошла бы она к джигиту по своей воле, а не по наущению матери. К тому же она ничуть не сомневалась в том, что сумеет произвести на незнакомца приятное впечатление. То и дело поглядывая в зеркало, она надела новое платье, расчесала длинные волосы и заплела косу. Сурения стояла, любуясь своей дочерью, словно только сейчас увидела, как хороша ее Альфия, вступившая в пору своего совершеннолетия. Но вскоре чувство гордости и радости сменилось легкой тревогой. Девушка ведь что бутон, и для нее когда-нибудь придет пора стать благоухающим цветком. «Только одного я не хочу, – размышляла Сурения, – чтобы дочь, подобно мне, хлебнула горя в жизни. Птицы и те перестают опекать подросших птенцов, – значит, и я должна дать Альфии волю. Так быстрее окрепнут ее крылья». Сурения видела, что чертами лица Альфия похожа на нее саму в молодости, даже еще красивее, и не хотела, чтобы дочь повторила ее судьбу. Разве не в эти же годы попала она во дворец Токлока? И если б не хитрость Баршакатын, страшно подумать, где бы она сейчас могла оказаться.

Когда Альфия появилась из-за занавески, помещение чайханы словно озарилось светом. Головы всех сидящих мужчин разом повернулись в ее сторону.

Не был исключением и Аксактемир. Улыбаясь одними уголками губ, луноликая красавица подошла к нему, и когда взгляды их перекрестились, сердце Альфии забилося от волнения, а глаза юноши вспыхнули огнем, хоть лицо по-прежнему оставалось непроницаемым. Он смотрел на подошедшую Альфию с тем неподдельным интересом, как если бы вдруг перед ним неожиданно возник горный козленок, елик, отмечая про себя, что обладательница высокой груди и сияющих глаз так же мила и привлекательна.

– Не хотите ли выпить чая, настоящего на яблоневых и смородиновых листьях? Вас, наверно, мучит жажда?

Только тут он ощутил, что язык и вправду словно бы прилип к гортани. Пришлось просто кивнуть в знак согласия. Когда же девушка, повернувшись, пошла за чаем, он неотрывно продолжал смотреть на ее округлые точеные бедра, похожие на круп жеребенка, не познавшего еще ни узды, ни привязи. И неожиданно для самого себя Аксактемир всплеснул руками и хлопнул по коленям. Это был жест охотника, увидевшего елика и не успевшего вскинуть ружье.

Когда Альфия вернулась с чайным подносом, ее красота показалась ему еще более ослепительной; приоткрыв от изумления рот, он смотрел на девушку подетски оторопело. До чего же были красивы пальцы, державшие пиалу! Как похожи они на белые, сладкие корни молодого рогоза, растущего по берегам озер! Никогда прежде Аксактемир не испытывал подобного состояния, ни одна девушка не заставляла так сильно биться его сердце. Губы, запекшиеся то ли от волнения, то ли действительно от жажды, отказывались слушаться и, сглатывая слюну, он с трудом ржал их.

– Так ты говоришь, что это чай, настоящий на листьях яблони и смородины? – Он глянул на девушку с хитрой улыбкой, ощутив в себе прилив безудержного веселья. – Тогда выходит, что вы одинаковы. И у тебя лицо, как спелое ароматное яблоко, а глаза – как две смородинки. Остается выяснить, что слаще.

– Может, ты и меня хочешь выпить, как этот чай? – засмеялась Альфия.
– Нет, я просто хотел сравнить вас. Вы, наверно, одинаково сладки?
– Скажи лучше, кто ты? Что-то раньше я не видела тебя в нашей чайхане.
– Кто я, говоришь? Обыкновенный человек. И здесь я действительно впервые. Знал бы, какой чай ты завариваешь, захаживал бы сюда почаще. Впредь так и буду делать.

– И никуда больше не станешь ходить?
– А зачем? Где я еще найду такую девушку и такой чай?
– Ты, я вижу, мастер говорить приятные слова.
– А ты первая, кто мне сказал об этом.
– Правда?
– Конечно, правда. С какой стати я стану выдумывать!
– Не может быть, чтобы ни одна девушка не сказала тебе об этом!
– Говорю же – нет!
– Да тебе, наверно, попадались все молчуньи, которые и двух слов связать не умеют.

– Если хочешь знать, то я вообще ни с кем не был знаком. Ты – первая. Но это вовсе не значит, что они не сказали бы мне того же самого...

– Как тебя зовут? – спросила она.
– Нет, ты сначала свое имя назови.

– Меня зовут Альфия. А тебя как звать?

– Что ты сказала: коня привязать? – Джигит решил притвориться тугим на ухо, лишь бы не отвечать на вопрос. – Так конь мой давно уж стоит во дворе на привязи, – рассмеялся он.

– Ну чего ты смеешься, я ведь тебя серьезно спрашиваю.

– А я тебе серьезно и отвечаю.

– Нет, ты мне говоришь чепуху.

– Ладно, придется сказать: я – Айтпай. Правда, отец запретил мне называть свое имя кому бы то ни было.

– Выходит, ты проболтался?

– Я думаю, тебе можно. А другим знать необязательно.

– Неужели ты только мне открыл свою тайну? Но почему?

– Потому что ты мне понравилась.

– Сам сказал, что я твоя первая знакомая, и вдруг – понравилась. Странно как-то.

– Ничего странного. Понравилась – и все.

Альфия, искренне недоумевая, улыбнулась и снова исчезла за шторой. Аксактемир склонился над дымящейся пиалой, чтобы хоть как-то скрыть свое волнение. Пытаясь понять, в чем же секрет обаяния девушки, он вдруг пришел к выводу, что дело не столько в красоте, сколько в легкости ее нрава, в умении вести шутивную и непринужденную беседу.

На этот раз Альфия долго не возвращалась, но Аксактемир, погруженный в мысли, словно бы видел ее перед собой въяве. Если бы все девушки были такими, как Альфия, то и тогда она выделялась бы среди них. Нет, Альфия особенная, ни на кого не похожая, потому-то и знакомство с нею так волнует сердце.

Подняв голову, он вдруг увидел ее. Подойдя незаметно, она смотрела на юношу так, будто хотела что-то сказать ему.

– Оставайся сегодня у нас, – предложила она.

– Зачем?

– Будет время поговорить наедине.

– И о чем мы будем говорить?

– Наверняка найдется о чем, особенно с глазу на глаз.

Солнце клонилось к закату, и джигит понял, что до наступления ночи ему не добраться до своей обители в горах. «Может, действительно остаться здесь?» – спросил он самого себя. С такой красивой и разговорчивой девушкой заманчиво познакомиться поближе.

Вдоль подножия гор едет одинокий всадник. Это отец. Словно голодный волк, рыщет он по окрестностям, не переставая думать о сыне. «Где его носит?» – задает он себе один и тот же вопрос.

А сын по-прежнему сидит там, где и сидел, не в силах покинуть уже опустевшую чайхану. Из-за шторы, разделявшей помещение на две половины, вышла Сурения. Темир сразу догадался, что эта крепкая, статная женщина – мать Альфии. Взглянув на молодого джигита, она опять отметила его сходство с Тарагаем. Тот же разрез глаз, те же черты лица, такие же прямые плечи. Впрочем, ничего в этом удивительного нет: люди часто бывают похожи друг на друга. Откинув

тыготившие ее мысли, Сурения подошла к молодым людям, продолжавшим разговаривать друг с другом.

В опустевшей чайхане они остались втроем. Мать и дочь снова попытались узнать, кто этот юноша, впервые появившийся у них, но Темир не спешил открывать своей тайны. Сказал только, что живет в горах и занимается охотой. В сгустившихся сумерках он вышел во двор, чтобы расседлать коня. Рядом со стойлом заметил стожок скошенной травы и решил, что сон на свежем воздухе намного приятнее, чем в глинобитном доме. Через некоторое время на пороге показалась Альфия, обеспокоенная долгим отсутствием джигита.

– Почему ты не заходишь в дом? Мама постелила тебе постель.

– Поблаговари ее от моего имени... У меня такая привычка – спать возле коня.

Девушка, недоуменно пожав плечами, скрылась за дверью. Во второй раз она вышла из дома уже ночью, и не с пустыми руками. Принесла чайник, две пиалы и расписную деревянную чашу, доверху наполненную кишмишем. Взошла на небо пегая, пятнистая луна, похожая на медный поднос, на который обычно ставят самовар. Усевшись на копне травы, они пили терпкий чай, стараясь уменьшить его горечь сушеными ягодами. Они пили чай с наслаждением, и это ночное чаепитие на охалке травы казалось им прекрасным. Лоб Темира покрылся бисеринками пота, чего никогда не случалось с ним даже в сильную жару, когда приходилось утолять невыносимую жажду. Альфия заставила его разжать губы и положила в рот Темира сладкую ягоду кишмиша.

– Смотри, не съешь, – предупредила она его. – Когда пьешь чай, кишмиш должен быть под языком.

Слова девушки развеселили и раззадорили джигита. Он протянул руку, чтобы дотронуться до Альфии, но ее не оказалось рядом. Почему она вдруг замолчала? Почему не засмеется, не придвинется к нему поближе? Протягивая руки, он ощущал пустоту. Неожиданно он услышал ее тихое дыхание и приглушенный смех. Снова протянув руки, он вдруг ощутил Альфию в своих объятьях. Голова закружилась, мир на мгновение качнулся перед глазами и, перевернувшись, снова встал на свое место. Вспомнилась древняя легенда: когда рога у сивых волов, на которых они держат землю, деревенеют от усталости, они перебрасывают ее справа налево. Однако чувство равновесия длилось недолго. Мир опять перевернулся, когда послышался нежный голосок Альфии: «Ты сказал, что занимаешься охотой? Да это разве дело! Так могут жить дикари, а в наше время кто же станет гоняться по горам за дикими зверями. Если в тебе достаточно сил, попробуй властвовать не над зверьми, а над людьми. Только последним глупцам пристало зависеть от случайной добычи. Особого ума не надо догнать и добить измученного зверя где-нибудь в безлюдной глуши. Но ты ведь не такой, как они. Силу твою я чувствую по твоим объятиям. Значит, надо распорядиться ею по-умному. Если не хочешь – не называй своего настоящего имени, будь Айтпаем, только прошу тебя – найди свое место в жизни. Перестань истреблять зверей и займись себе подобными. Тогда я стану для тебя всем, чем угодно: покоями, в которых ты обрешь отдых после битвы, ложем, на котором отдохнет твое уставшее тело. Все ласки отдам тебе одному».

Разомлев от выпитого чая, Темир чувствовал себя мелким торговцем, с наслаждением посасывающим ножку куропатки. Голова его лежит на душистой траве, а

мысли витают где-то далеко-далеко отсюда, в мире сладких грез. Как сквозь сон слышит он голос Альфии, чувствует на лице ее горячие ладони. Девичьи тонкие пальцы перебирают его волосы, а губы легонько притрагиваются к щекам, ко лбу. Произносимые шепотом слова щекочут уши: «Не будь охотником! Брось это занятие. Останься со мною. Каждый день буду поить тебя чаем. Каждый день будешь наслаждаться моими ласками. Твоя голова никогда не знала, что такое мягкая постель и пуховая подушка. Ты ведь и женщин, к стыду своему, не успеешь познать. Чем же такая жизнь лучше смерти?! А с каким чувством ты будешь умирать, когда, преследуя зверя, ослабнешь и сорвешься в пропасть? Не губи своей жизни! Добейся счастья, и тогда я всегда буду рядом с тобой. Начиная с этой лунной ночи... Отныне ты мой, слышишь! Ты принадлежишь мне! У тебя нет больше твоей свободы. Вместо нее на тебя наброшена узда, крепкая узда. Руки и ноги в капкане из булатной стали, тонком, как девичий стан...»

– Вот тебе капкан! – крикнул Темир и, вскочив на ноги, изо всей силы пнул Альфию. – Где капкан? Любой капкан я разломаю на куски и брошу под ноги!

Девушка, держась за поясицу, лежала на земле. Темир же, будто ничего и не произошло, на удивление быстро успокоился и даже опять раскрыл объятия. Но руки его обняли пустоту. Уткнувшись лицом в охапку травы, снова погрузился в дремоту. И снова, как и прежде, до ушей его донесся шепот Альфии: «Несчастный, одинокий бродяга! Только со мной ты познаешь радости жизни. Будешь пить не кислый айран из кожаного бурдюка, а крепкий чай с медом, восседая на деревянном помосте. Не будешь больше ночевать в драном шатре в горах Алая и Казыгурта. Мягкая перина, пуховая подушка, роскошные ковры ждут тебя, глупец! Мы вместе сожжем в огне твои штаны из овчины, размотаем твои кожаные обмотки, которые ты называешь сапогами. Трижды покрутим ими над твоей головой и бросим в костер. Настоящие сапоги, чапан, бархатные штаны ждут тебя в нашем доме... Я сделаю из тебя человека, познакомлю с нужными людьми. И заживешь ты жизнью нормальной, не дикой, будешь любить жену и воспитывать детей. Подними голову, возмись за ум! Послушаешься меня, и о тебе узнают все. Ну же, открой глаза!»

Словно сквозь сон доносились до Темира слова Альфии. Сама же она сидела поодаль, боясь подойти к нему поближе, и он слушал ее, не перебивая. «Если не порвешь с прежней жизнью, то вконец одичаешь, станешь похожим на дикого зверя, превратишься в бездумного манкурта. Я тебя спасу. Только приди в мои объятия, прекрати хныкать, возьми себя в руки, пока не сорвался со скалы в расщелину и не стал добычей воронья и стервятников. Смотри, джигит, если ты считаешь свое прозябание жизнью, то крепко ошибаешься...»

6

Двое всадников скачут вдоль подножия гор. Для молодого джигита весь мир сейчас находится между сном и явью. Ощущение какой-то размытости не покидает его. Исчез голос Альфии, и все вокруг стало пустым и бесприютным. Кружилась голова, тишина отдавалась звоном в ушах, бил в ноздри невыносимо терпкий запах разнотравья. Мелькали обрывки мыслей, которые он тщетно пытался связать воедино. Что же все-таки случилось с ним накануне?

...Проснулся он в предутренних сумерках все на той же охапке травы и, оседлав коня, отправился в сторону гор. Минувшая ночь казалась мучительным кошма-

ром – чаепитие под звездами, первые в его жизни поцелуи... О них Аксактемир вспоминал с содроганием, губы Альфии представлялись ему сейчас присосавшимися к нему жадными пиявками. Ничем не мог объяснить он и напавшую на него странную сонливость. Сквозь полудрему кто-то тихо-тихо бормотал на ухо слова, словно ворожил над ним. Тех слов уже и не вспомнить, только некоторые время от времени всплывают в памяти.

Добравшись до гор, Темир долго отлеживался в шатре. Утомленный вид сына, его мутноватые глаза и вспухшие губы, помятое и потемневшее лицо цвета сагиновой тряпки, опущенной в воду, о многом поведали отцу. Тарагай решил дождаться, когда Аксактемир придет в себя, и поговорить с ним начистоту. Однако в пятницу его сын вновь куда-то исчез. Отец переполошился и перепугался не на шутку. Во всем этом, похоже, замешана женщина. И вдобавок не простая, а, судя по ее мертвой хватке, самая настоящая ведьма. «Пока не поздно, я должен спасти сына, – сокрушенно думал Тарагай. – Иначе какой прок от моего отцовства».

Тарагай с нетерпением ждал сына, но тот появился лишь на третий день, в воскресенье. Подойдя к коню, отец одной рукой схватился за сбрую как раз в том месте, где поводья соединяются с уздечкой, другой натянул путлища стремян, помогая сыну спешиться. Его действия насторожили Аксактемира. Ведь так обычно поступают слуги по отношению к своим хозяевам.

– Коке, что означает ваша услужливость? – удивленно спросил он.

– Оказывается, сынок, я и не заметил, как ты вырос. Вот тут я и вправду допустил оплошность. Стать отцом под силу любому глупцу, – я это только теперь понял. А вот быть для своего сына другом, наперсником – неизмеримо труднее. Когда беркутенок взлетает, расправив крылья, только тогда старый беркут начинает признавать его взрослой птицей. Прости меня, сынок, я, кажется, упустил этот момент.

– Ну, это уже лишнее, отец!

– В уважительном отношении не может быть ничего постыдного, поверь мне. Лучше давай отойдем в сторонку, подальше от нашего шатра, там и поговорим.

Взобравшись на холм, они уселись на покрытом травой склоне. Не обладавший даром красноречия, Тарагай не любил в разговорах ходить вокруг да около. Поэтому и начал без околичностей.

– Женщина для джигита и первейший друг, и самый коварный недруг. Она может возвысить, и она же способна низвергнуть в пропасть, довести до отчаяния, сгубить. Вот мне и хочется услышать от тебя: сумел ли ты разобраться, с какой из них повстречался? Сходиться с женщиной, чья душа для тебя потемки, это все равно что по собственной воле ступить на волосяной мост, протянутый над огненной рекой. Этот мост – дорога в ад.

– Я должен ответить на ваш вопрос, коке?

– Не спеши, всему свое время... Есть у джигита и еще один враг – страсти. Как одержимый стремится он к вину, к любовным утехам. Это болезнь серьезная, и длится она долго. Тот, кто сумеет стреножить себя, вовремя остановиться, не обделен ни умом, ни житейской хитростью. Хитрость ведь тоже от ума исходит. Но если сивый бык, который держит на рогах нашу землю, был бы снедаем похотью, то, завидев телку, тотчас потерял бы рассудок. И что тогда? Все мы полетели бы в бездну. Человеку, помнящему о своем назначении, сладострастие столь же

противно, как и ветхая, насквозь прогнившая подстилка. Устоявшему от соблазна и простая вода во сто крат приятнее вина.

– Коке, вы сегодня прямо-таки блещете красноречием!

– Оно, поверь мне, не от хорошей жизни. Даже конь, когда седло натирает хребет, начинает ступать осторожнее. В последнее время мне не нравится твой вид. Если я сужу правильно, то в тебя, видимо, крепко впился чей-то коготок. Как это произошло – тебе и самому неизвестно. Сослепу, что ли, попался? А раз споткнулся, отсюда и пойдут все дальнейшие ошибки. В трудном случае показал себя сосунком. За версту видно, что обвели тебя вокруг пальца. А теперь скажи мне всю правду, какая беда приключилась с тобой? – с тревогой в голосе спросил отец, пристально глядя на сына. – Кто она? Как все произошло?

– Во-первых, ни на чей коготок я не попался. Напротив, сам подцепил добычу. Не понравится, надоест – мигом отброшу, как ненужную вещь. Даже глазом не моргну.

– Самоуверен ты, однако, не лучше ли поостеречься?

– А во-вторых, отец, горы не для нее, она в них никогда не сунется и не станет жить в нашем шатре. А я, напротив, не собираюсь прозябать в Караспане. В этот раз все это окончательно прояснилось. Так что, видишь, наши пути-дорожки не перекрещиваются, каждый пойдет по своей. А был бы я рабом своих желаний, как ты говоришь, наверняка предпочел бы мягкую постель. Только решения своего я менять не стану.

– А ей ты сообщил об этом?

– Сказал, что подумую.

– Подумай, подумай. Мужчина ведь в чем-то сродни волку. Прет напролом, оттого бесхитростен и уязвим. А женщина, как лиса, плутовата и коварна. Смотри, не угоди в западню. Столкнешься нос к носу – не дай подсечь себя. Еще раз повторю: она и первейший друг джигиту, и первейший недруг. Но так уж мы, мужчины, устроены, что без женщин мир пуст и неприютен. Не оставишь после себя потомства – зря жизнь проживешь. Только враг всегда крутится поблизости, а друга искать надо. И чем дальше он, тем труднее его найти.

– Коке, да вы просто мудрец! Теперь я и шагу не ступлю без родительского совета.

– Дело не в словах, а в той тревоге, которая жжет мое сердце. Просто я хочу сохранить своего единственного сына, посланного мне богом. Хочу, чтобы и ты потом не кусал локти от отчаяния. Поверь моему опыту, разве не по крупичкам накапливал я его в течение стольких лет?

На сказанные отцом слова сын ответил благодарной улыбкой. «Отныне, – решил он, – не стану отмахиваться от его советов и постараюсь вести себя достойно».

7

Одинокий всадник, огибая подножье гор, направлялся в долину. Ехал шагом, погруженный в свои мысли. Путь его лежал в Караспан, к Альфии, которая даже сейчас, по прошествии стольких встреч, виделась ему как бы сквозь пелену сна.

В этот раз он пробыл в Караспане три дня. По-прежнему Альфия будоражила его своей загадочностью. Когда же подошло время прощаться, Темиру пришлось выслушать немало горьких упрёков.

Непомерным грузом легли они на его сердце. Слова Альфии лишили покоя самолюбивого и гордого Темира. Разве не понимал он, что между ними нет никакой непроходимой пропасти, кроме невозможности жить вместе. Неожиданно для обоих порвалась нить, которая могла бы даже на расстоянии связать их воедино. Решения ждать было неоткуда, но тут к его изумлению выход из тупика предложила сама Альфия.

– В жены ты меня не возьмешь – это ясно. Ты обманул меня, я обманута тобой. Так выполни хотя бы одну мою просьбу: помоги найти жениха. На днях в Шаш через Караспан из Бузыка и Отрара проследует караван тамошнего султан-шоры, молодого джигита по имени Мадыразак. Я хотела бы выйти за него замуж, но без твоей помощи мне не обойтись. Поэтому предлагаю отложить охоту за дичью и напасть на караван. Добычей твоей будут золото и серебро, кожа и ткани, шерсть и меха. Мадыразак, ко всему прочему, так одержим жадной наживы и так скуп, что за богатство готов душу продать. А далее появлюсь и скажу свое слово я. Вот по моему слову ты и вернешь ему все до последней нитки. После этого он будет в моей власти: захочу – в кулак сожму, захочу – заставлю плясать на ладони. Это единственный мой шанс, другого нет и не будет. Сделай, как я прошу...

Темир призадумался.

– Ну же, хоть раз отлови для меня не горного барана, а живого человека! На следующей неделе, в пятницу, в Караспане будет ярмарка, а в субботу покажется караван. Устрой на него засаду.

– В одиночку, что ли?

– Разве у тебя нет верных людей?

– Найти-то их можно... Но кого я в таком случае собираюсь грабить? Тебя или же...

– Не беспокойся. После того, как караван будет обобран, я предстану перед тобой вместе с Мадыразаком. Подниму руку и произнесу несколько слов. От тебя же требуется одно – бросить все и, что называется, поминай как звали. За благодарностью дело не станет: по всей округе разнесу я молву о твоей храбрости, доблести, великодушии и щедрости. Одним словом, пойдут о тебе в народе легенды.

На этом они и сошлись, скрепив уговор рукопожатием. Чтобы все сказанное обрело силу, хотели поклясться на Коране, но вынуждены были заменить его хлебом, поскольку Корана в чайхане не оказалось.

В субботу, на рассвете, десять вооруженных всадников были наготове. Засаду они устроили в глухом месте, на полпути из Караспана в Шаш.

Тридцать вьючных верблюдов медленно брели по большой дороге. Никто из караванщиков и глазом не успел моргнуть, как всадники под началом Темира налетели и преградили им путь. Верблюдов-вожачков сразу же отвели поближе к горам, за ними последовали верблюды, груженные тюками. Тем временем подъехала крытая арба. Темир, осадив коня, повернулся и увидел возницу, за спиной которого сидели еще двое. «Эй, Альфия, это ты?» – чуть было не крикнул он, но вовремя сдержался и только глянул на молодого купца испепеляющим, полным ревности взглядом. На какой-то миг ему захотелось не просто забавы ради захватить караван, а взять да и умчаться вместе с награбленным. Но тут Альфия, прыгнув с повозки, обратилась к нему:

– Как говорят в народе, не бойся того, кто лицом пригож. А ты джигит из себя видный. Человек с такой внешностью должен быть щедр и великодушен. Разве станет он грабить караван, принадлежащий беззащитной женщине?

Все шло по заранее намеченному плану, и Темиру ничего другого не оставалось, как следовать ему до конца.

– Джигиты! Верните верблюдов! Да поживее! – приказал он и, заглушая в себе пламя ревности, не раздумывая, резко поворотил коня и вихрем помчался в сторону Казыгурта, увлекая за собой остальных разбойников.

Этот случай породил в округе множество слухов о молодом предводителе разбойничьей шайки, орудующей на большой дороге. Любой караван отпускал он с миром, если при нем оказывалась хоть одна красивая женщина. Мало-помалу эти рассказы стали превращаться в устах народа в легенды, обрастая самыми невероятными подробностями. Ни Темир, ни отец его Тарагай не заметили, как в один прекрасный момент из охотников они превратились в лихих разбойников. Таковую вот шутку сыграла с ними жизнь. Взяла да и заставила совершать поступки, о которых они прежде и не помышляли. И завертелось колесо событий. Вместо заботы о прокорме, о своей жизни, они вдруг начали посягать на чужую.

Весть о появлении кучки разбойников в долине между Казыгуртом и Алаем распространялась повсюду с быстротой молнии. Поговаривали, что главарь их совсем еще зеленый юнец, к тому же отчаянный гуляка. Одни утверждали, что зовут его Айтпай, другие – Темир. И прозвищ было не счесть: Хромой волк, Волкарлан, Прожорливый шакал, который от голода перегрыз себе однажды ногу. Но как бы там ни было, слухи эти начали пускать корни только спустя некоторое время после того, как он отпустил караван Альфии. До самого же Темира они дошли и того позже. Множество небылиц услышал он из уст некоего человека, посланного к нему Альфией. Его позабавило, что одно упоминание о главаре шайки вселяло в людей неподдельный ужас. Зато рассказ о том, как его бывшая подруга, сделавшись женой торговца, стала жить припеваючи, поверг Темира в невеселые мысли. Да и как было не прийти в уныние, если первая в его жизни женщина спала теперь в объятиях другого мужчины. И какой тогда ему прок от множества имен и прозвищ, которыми его окрестили в народе? Разве человеку недостаточно одного имени? Что хорошего в том, что повсюду известен он как разбойник, грабитель, душегуб, головорез? Если б можно было всю эту черную, грязную славу променять на один день возле Альфии, на одну ночь утех с нею! Сбудутся ли когда-нибудь эти мечты? Вряд ли...

8

Огибая горную цепь, скачет по долине группа всадников. Куда и зачем они направляются – никому не ведомо. Вперед вырвались двое: чернобородый мужчина средних лет и совсем еще юный джигит. Несмотря на разницу в возрасте, держались они на равных и скакали стремя в стремя. Со стороны можно было безошибочно определить, что это отец и сын.

На смену лету пришла осень. Теперь уже о разбойниках говорили в полный голос. По словам очевидцев, лиходеев было человек сорок. Встречные караваны они грабили выборочно: поначалу проверяли, чей он и кто при нем находится. Если попадалась на глаза красивая девушка или молодуха, всех тут же отпускали. Зато всю лютовали, стоило им только узнать, что караванщики везут богатые

подношения потомкам Чингисхана. И уж совсем круто расправлялись они с обладателями знатных титулов, каковыми в их глазах были тюре, султан или шора. Однако простым людям не было дела до всех этих тонкостей, и они предпочитали таить на разбойников кровную обиду.

Гораздо лучше других обо всем была осведомлена Альфия, но и она никому, даже мужу-торговцу, ни единым словом не обмолвилась о тщательно оберегаемой тайне. Когда речь заходит об умении держать язык за зубами, то женщины по этой части непревзойденные мастера. Справедливости ради следует сказать, что и среди мужчин попадаются подобные молчуны, но их можно, что называется, пересчитать по пальцам.

Тем временем слава о грабителях продолжала набирать силу. Караванщики уже не отправлялись в путь, не прихватив с собой красивых девушек. Потомки Чингисхана, кичившиеся славой своего известного всему миру предка, а также многочисленные самозванцы, в корыстных целях примазавшиеся к громкому имени, предпочитали молчать о своем происхождении. Что до Альфии, то она не переставала удивляться, каким образом джигит, еще вчера лежавший в ее объятьях, из простодушного и наивного юноши-охотника превратился вдруг в матерого волка, бесстрашного разбойника, наводящего ужас на всю округу. «Ветер горы крошит, а человека слово крушит». Если следовать этой пословице, то именно слово, сказанное Альфией, изменило жизнь Темира. Что может последовать за этим словом – не загадывали ни Альфия, ни Темир. Джигита пьянила легкость побед, вера в свою силу. Мог ли он в такие моменты давать себе отчет в том, что делает? Зная, что одно упоминание его имени приводит в ужас людей, он, выскакивая из-за холма и видя вытаращенные от страха глаза своих жертв, валяющихся перед ним в пыли, словно объевшиеся беленой верблюды, ощущал в эти минуты ни с чем не сравнимый восторг. Тут уж было не до отрезвляющих мыслей, не до мучительных угрызений совести.

Немало было в округе и таких людей, для которых имя Аксактемира звучало завораживающе. Сам же он относился с подозрением к тем, кто шел к нему с единственной целью – урвать кусочек от его славы. Не более сорока разбойников должно быть под его началом, этого железного правила Темир придерживался неукоснительно. Если каким-то образом появлялся сорок первый, устраивалась всеобщая проверка с целью выявления самого негодного, которому тут же отрубали голову. Набеги на караваны продолжались, день ото дня увеличивалось число тех, кто на горьком опыте познал, как обрывается сердце от страха, когда на горных склонах появляются силуэты сорока всадников. Предгорья Алая, Ангрена и Казыгурта были излюбленным местом для разбойничьих засад. Прежние условия сохранялись в силе: красивая девушка спасала караван, а присутствие в нем хотя бы одного из потомков Чингисхана приводило к печальному результату.

Имя Аксактемира было у всех на устах. Альфия поначалу не была уверена, что Аксактемир и Айтпай одно и то же лицо. До тех пор, пока однажды не вышел ранней осенью караван, направляющийся из Самарканда в Шаш. Через три дня, пройдя перевал Жолузак, караван вступил в долину. Следовавшие вдоль Алайского хребта разбойники остановили его и учинили проверку, выясняя, кто в нем находится и что везут караванщики. В это время на дороге показалась крытая арба с впряженными в нее двумя конями. Из обтянутой пурпурным бархатом повозки ступила на землю большеглазая, луноликая женщина, с густыми,

длинными, ниспадавшими до самых пят волосами. Казалось, лебедь заскользил по глади озера, так грациозны были ее движения. Из-под козырька приложенной ко лбу правой руки женщина взгляделась в группу всадников и вдруг неожиданно для себя выкрикнула: «Айтпай! Айтпай!» Темир мгновенно смекнул, кто перед ним, и, подмигнув Альфии, приказал своим спутникам:

– Джигиты! В караване находится красивая женщина, освободите всех! Пусть следуют своей дорогой!

Всадники отъехали от каравана, повинувшись приказу главаря.

Подняв на дыбы своего коня, Темир крикнул:

– А женщина эта, скажу я вам, ханской дочери под стать. Немало, видать, джигитов сохло по ней. Да и она тоже не промах: впервые меня видит, а уже с кем-то перепутала. Эй, бикеш, я не Айтпай, я – Темир! – и громко хохоча, он пустил коня вскачь.

Удивленная Альфия долгое время брела следом за арбой. Два имени вертелись у нее на языке: Айтпай и Темир. Вскоре ее догнал муж. Лицо его было растерянным, губы дрожали от только что пережитого страха и унижения.

– Почему ты назвала его Айтпаем, если он Темир? – срывающимся голосом спросил он жену. – И вообще, зачем ты окликнула его?

– Да я просто так, обозналась. Ни с Айтпаем, ни с Темиром я не знакома.

– Сдается мне, что это именно тот человек, который не дает покоя Токлоку.

– Ну уж об этом мне и подавно не ведомо.

– Постой, он кажется подмигнул тебе? С чего бы это?

– О, мой создатель! Да такой жене-кочевнице, которая, точно погонщик, сутками не вылезает из повозки, только ленивый не подмигнет! Недаром ведь говорят: взял красавицу в жены – держи ее взаперти, в укромных покоях, чтобы не только чужой взгляд, но и луч света не коснулся ее лика. Но такая жизнь мне и во сне не приснится. Остается одно – до конца дней своих быть обозной женой кочевника-торговца. И ты еще хочешь, чтобы мне не подмигивали!

– Так оно и есть, – продолжал вслух размышлять Мадыразак, пропуская мимо ушей слова жены. – Лютый враг Токлока – это не кто иной, как Аксактемир. Недаром он за его поимку обещал кусок золота величиной с конскую голову. Кем бы ни оказался этот смельчак, я думаю, что обещанное богатство он получит.

– Уж не хочешь ли ты сделать это сам, своими руками?

– Нет, что ты! Это я так, к слову пришлось.

– Как можно выдать того, кто дважды пощадил тебя и твой караван? Не запустил в него руку, не ограбил. Где же твоя честь, в конце концов?! Или ты и впрямь готов уже лизать пятки хану? Прошу тебя, не выдавай Темира.

– Я же сказал, мне до этого разбойника нет никакого дела. Я не стану чинить ему зла, как и он мне. Хотя, признаться, и доброта его мне непонятна.

Караван миновал Шаш, побывал в Караспане, завернул в Отрар и вошел в Яссы. После прибытия в город, едва спустились вечерние сумерки, молодой торговец куда-то внезапно исчез. Жена с тревогой поджидала его на постоялом дворе, в караван-сараях. Мадыразак же тем временем успел сходить к Токлоку и рассказать о своих недавних приключениях. Он описал, каков из себя Аксактемир, главарь разбойников, как выглядят и даже во что одеты остальные грабители. Явился из дворца он уже ночью, и жена, увидев мужа целым и невредимым, не стала ни о чем расспрашивать его, тут же забыв о своей недавней тревоге.

Однако повадки мужа Альфия изучила до тонкостей. Знала, что в любой момент, особенно за вознаграждение, тот готов пойти на какую угодно подлость. И тем не менее на этот раз Альфия предпочла не вмешиваться, предоставив событиям развиваться своим чередом. В конце концов, рассуждала она, кто знает, в чьих руках находится этот мир и на ком он держится. Если на сильных, то слабые должны подчиниться. Но к кому же из них отнести Аксактемира, который с жалкой кучкой разбойников все-таки смеет огрызаться, ощеривать клыки, показывая свой норов. В любом случае он должен поумерить свою прыть, помня об одном: только осторожность может уберечь его от поражения. Ведь, если разобраться, люди ничем не лучше диких зверей, и ему ли, живущему в горах, не знать звериных повадок...

Что будет дальше – об этом Альфия думать не хотела. Бесполезно заглядывать в будущее. Не догадывалась она и о предательстве мужа, зато к Токлоку, сколько себя помнит, всегда относилась с брезгливым презрением. С той самой поры, когда, будучи маленькой, услышала разговор матери с соседкой, который те вели в присутствии несмышленной по их понятиям девочки. Оказывается, красавица Сурения некогда была женой Токлока, а потом хан решил обменять ее на кусок золота. Так бы все и случилось, если бы на помощь не пришла хитрая бабка Баршакатын. Свобода Сурении была, правда, куплена ценой жизни одной беременной молодежи.

Альфия вполне могла предположить, что ее муж Мадыразак только что предал Токлоку Темира. Но что в таком случае следует предпринять ей? Выяснить все до конца или же сделать вид, что ни о чем не догадываешься, продолжая втихомолку мучиться от сознания собственного бессилия? В неведении есть хоть какое-то успокоение, даже надежда. Другое дело, если подозрение подтвердится, – тогда уж она постарается прийти на помощь Темиру. Это решение стало для Альфии клятвой, данной самой себе.

По непонятной причине караван простоял в Яссах до наступления темноты и только на ночь глядя отправился в путь. Настораживало и то, что до Арысафа двигались скорым шагом, а потом поплелись еле-еле, словно поджидая кого-то, идущего следом.

9

У подножия гор стояли сорок всадников с опущенными поводьями.

...Полдень. Караван Мадыразака миновал Монтайтас и приближался к Сарыжылге, когда из-за зеленого холма, лежащего чуть поодаль, выскочила шайка разбойников. Как только окружение было закончено, стало ясно, почему караван двигался столь медленно. Оказывается, следом за ним, крадучись и хоронясь в глубоком логу, пробиралась конная сотня Токлока. Теперь настал ее черед ввязаться в действие. Караван, окруженный двойным кольцом, исчез в облаке буровой пыли. Воспользовавшись всеобщей суматохой, торговец с женой направили свою повозку подалее от места столкновения и укрылись в овраге.

От глубокого лога, именуемого Сарыжылгой, доносился до них непрерывный звон и лязг металла. Это, скрещиваясь, звенели копыта, сабли и боевые топорыки-айбалта. Сквозь пылевую завесу было видно, как мечутся лошади, взвываясь на дыбы и поднимая свечой передние ноги. Некоторые из них выбегали с поля боя без своих всадников, вышибленных из седел ударами отмоченных в соляном растворе колотушек-соилов. То тут, то там раздавались душераздирающие вопли и

тяжелые стоны. К размеренным стукам соилов примешивались резкие выкрики – это противники, подбадривая себя и готовясь к сокрушительному удару, призывали на помощь аруахов, духов своих предков. Все чаще мелькали в воздухе боевые топоры, копья, сабли, увесистые дубинки-шокпары.

Постепенно картина боя стала меняться. Храпящие от усталости, взмыленные кони вынудили противников попятиться назад. Сидящие в седлах прикрывали своих поневоле спешившихся товарищей, которые продолжали драться врукопашную. Разрозненные кучки воинов напоминали искромсанную на части нить размотанного клубка. Сотне Токлока никак не удавалось одолеть разбойников, уступавших по численности. Сорок лихих джигитов отчаянно сопротивлялись и, нанося молниеносные по быстроте удары, вынудили ханских воинов спешно отойти к западной оконечности Сарыжылги, к самому подножью холма. Разбойники же, во главе которых на этот раз стоял Тарагай, заняли позицию на вершине. А там, откуда они ушли и где только что гремела битва, остались неподвижные тела погибших. Пошатываясь, поднимались и брели к своим раненые.

В наступившей тишине два враждебных стана выжидающе следили друг за другом.

Тем временем у крытой повозки, стоявшей в низине за соседним холмом, состоялся такой разговор.

– Я подозревала, что добром дело не кончится, что ты задумал какую-то подлость! – кричала Альфия.

– О чем ты говоришь! Я-то здесь при чем! – жалобным голосом оправдывался Мадыразак, с мольбой глядя на супругу.

– Кто же еще, как не ты, мог выдать разбойников Токлоку? Решил услужить хану, втереться к нему в доверие, а заодно и разбогатеть на его золотишке? А то, что все это предательство, об этом ты не задумывался?! Смотри, сгубят тебя подлость да жадность, не видать вовек тебе ни счастья, ни богатства. Беду хочешь накликать? Думаешь, разбойники не догадаются, кто эту сотню за собой на хвосте привел?

– Да провалиться мне на этом самом месте, да будет душа моя вечно мучиться в преисподней, если я хоть в чем-нибудь виноват! Клянусь святой водой, они сами пришли! – крикнул торговец и, упав на колени, пополз к ногам жены.

Альфия оттолкнула его от себя. Мадыразак, уткнувшись лицом в землю, продолжал бормотать о своей невинности, и клятвам его не было конца.

– Напрасно ты стараешься обмануть меня, – с презреньем бросила Альфия. – В Яссах, помнится, ты исчез куда-то чуть ли не до утра. Так вот тогда ты бегал к Токлоку, в этом нет никакого сомнения. Выболтал ему все, о чем знал, и не просто выболтал, а помог в поимке, навел на след. Если разбойники пронюхают о твоих проделках – в пух и прах разметут. Не наше богатство, а мы с тобой пропадем бесследно.

– Ну, а ты на что? Ты же можешь спасти нас! – воскликнул торговец, озаренный внезапной догадкой.

– Какая тебе от меня польза?

– Он поверит твоим словам.

– Откуда в тебе эта уверенность, скажи на милость?

– До сих пор так было: стоило тебе попасться разбойнику на глаза, как он тут же оставлял нас в покое. Поворачивал коня и уносился вскачь.

– Ты знаешь, что он ведет себя так по отношению ко всякой женщине.

– Для меня важнее то уважение, которое он выказывает тебе.

Альфия, чувствуя свое превосходство над мужем, вновь обернулась и прикрикнула на распростертого в пыли Мадыразака:

– Кому говорю, встань, продажная шкура! – Злость ее была настолько велика, что, подхватив руками подол своего доходящего до земли шелкового платья, она пнула Мадыразака в плечо носком темно-красного сапога.

Лишь одно мгновение Мадыразак буравил жену гневным взглядом, в котором читалось выражение оскорбленного мужского самолюбия. Затем он сник и кротко опустил глаза. Его смиренный вид говорил о том, что отныне и навсегда Мадыразак усвоил одну истину: если ему и суждено впредь топтать эту грешную землю, то лишь благодаря лучезарной красоте стоявшей перед ним женщины, ее сноровке и сметливому, живому уму. До последнего слова все верно в ее речах. И то, что он предатель, и то, что вина его бесспорна. А ведь он хотел всего лишь помочь Токлоку поймать разбойников. Хотел отделаться от своего врага, постоянно оскорблявшего его своей бесшабашной удалью и развязностью по отношению к Альфии.

Он продолжал тешить себя надеждой на благополучный исход и потому совсем не интересовался, что же происходит за ближайшим холмом. Неужели сотне Токлока не под силу уничтожить жалкую кучку разбойников? Словно прочитав его мысли, Альфия обратилась к Мадыразаку.

– Мужчина ты или нет? Высунь нос, посмотри, что там происходит!

Торговец, пригибаясь, осторожно выглянул из-за холма. Прервав побоище, противники стояли на значительном расстоянии друг от друга, словно выжидая чего-то.

– Альфия! – шепотом окликнул он жену, приглашая и ее взглянуть на открывшуюся картину.

Широкую ложбину Сарыжылги занимали воины Токлока, разбойники смотрели на них с вершины холма. Словно и не было никакой схватки. Кто же теперь сумеет перехитрить и выманить противника?

– Эй, Токлок! – раздался чей-то гортанный крик с вершины холма. – Слышишь, Токлок, я жду тебя! Выходи на единоборство, если не трусишь!

Кричавший за время боя дважды видел в толпе Токлока, полагая, что и сам не остался незамеченным. Потому он сейчас и не назвал своего имени. Хан не спешил вступать в единоборство с безымянным противником, однако и не ответить на вызов ему не позволяла честь мужчины. Набрав в легкие побольше воздуха, он крикнул презрительно:

– Кто ты такой, зовущий меня на поединок? Если ты не баба, а батыр, имей смелость назвать свое имя!

– Или, владыка, ты впрямь не узнал меня? Но тебе все же придется выйти со мной один на один, Токлок! Я – Тарагай!

Названное имя привело хана в смятение. В прежние годы ему действительно не раз приходилось видеть Тарагая. Вблизи он бы и теперь узнал его. Лет пятнадцать-шестнадцать назад Тарагай был его воином, бесстрашным и умным сотником – ага-сарбазом. Потом вдруг исчез куда-то, и постепенно все о нем забыли. И вот он появился опять. Вспомнил Токлок и его супругу – красивую молодуху с родинкой размером с кончик большого пальца. И то, как он, не дове-

рившись никому, собственноручно распорол живот беременной Сақыпжамал вот этой самой кривой саблей, которая сейчас висит у него на боку. Все до мельчайших подробностей помнит Токлок. Слышал он и о том, что ребенок, находившийся в чреве убитой, остался жив, был подобран какой-то сердобольной девушкой, которая вскормила и вырастила найденыша. Значит, сейчас, если народная молва не лжет, тот ребенок уже стал джигитом. В таком случае, человек, назвавшийся Тарагаем, противник отнюдь не слабый, жажда мести до предела ожесточила его сердце и удесятерила силы.

– Эй, Тарагай! Похоже, в схватке ты будешь держаться до последнего. Но взгляни – воинов-то за моей спиной намного больше!

Тарагай ответил сразу же, не медля ни секунды:

– Твоих «многих» я уже успел повидать, и скажу так: один наш двух твоих стоит. Волк не смотрит, что перед ним целая отара – нападает в одиночку.

Джигиты Токлока заерзали в седлах, зашумели вне себя от ярости.

– Да он же нас грязью мажет! Неужели стерпим, не отомстим? – раздались оскорбленные голоса.

Тем временем разогнанный караван снова сбился в кучу и вышел на большую дорогу. Место для нового кровавого побоища было расчищено.

– Ну, что, джигиты, сокрушим их? – воскликнул Токлок, обращаясь к дворцовым слугам-рабам.

– Сокрушим, хозяин-хан, – отозвался обнаженный по пояс смуглый верзила.

Токлок одобрительно глянул на него. Этот силач вполне годился для выполнения задуманного им плана.

– Как только я подам сигнал к атаке, вся моя надежда на тебя. Запомни, вон тот всадник на рыжем коне, который назвался Тарагаем, на твоей совести. Глаз с него не спускай! Налетишь сзади и убьешь. О дальнейшем я сам позабочусь. Справишься с задачей – будешь моим главным батыром.

Он отвел верзилу в сторону, заставил его обрядиться в плотное рубище из верблюжьей шерсти, а на голову водрузить защитный шлем из высушенного на солнце коровьего вымени.

– Твоя цель – Тарагай. Станет рваться ко мне – не дай приблизиться вплотную. Приноровись и рубани саблей! Да руби чуть пониже затылка! И чтобы ни капли жалости! Пожалеешь – сам сгинешь, уж он-то тебя полоснет от души.

Затем Токлок крикнул остальным сгрудившимся в кучу, сарбазам, и голос его при этом был писклявым и чуть осипшим:

– Спешитесь! Разомните ноги, дайте коням отдохнуть перед атакой.

То же самое проделали и разбойники. Один Тарагай остался в седле. Сын его подошел к скакуну отца поправить седельные ремни и подпруги. Кажется, что-то сказал при этом. Тарагай промолчал в ответ.

Стоящие на холм и глазом моргнуть не успели, как на полном скаку, с боевым кличем устремились на них воины хана. Атака застала врасплох, многие так и остались стоять возле своих коней. Завязалась жестокая схватка, которая на этот раз длилась недолго. Смуглый верзила в точности выполнил приказание хана, сразу же налетев на Тарагая. Правда, сделал он это уже после того, как сам Тарагай нанес сокрушительный удар Токлоку. Занося сверкающий на солнце булатный клинок, тот успел подумать: «Поднявшему меч на подчиненного своего следует отрубить руку», – и сабля рассекла надвое левое плечо хана. Почти в то

же мгновение подоспел и смуглый верзила. Тарагай с трудом удержался в седле, припав головой к конской гриве. Сын первым увидел, что произошло с отцом, и, прервав бой, подхватил отцовского скакуна за поводья. Удар, нанесенный Тарагаю, оказался страшным. Бедняга так и не смог поднять головы. Струющаяся из раны кровь заливала грудь и гриву скакуна.

Токлок, придерживая правой рукой безжизненно повисшую левую, начал клониться набок. Но, падая, не успел высвободить ногу из стремени, и конь во локот потащил его за собой.

Потеря обоих предводителей тут же сказалась на боевом духе противоборствующих лагерей. Едва начавшаяся сеча погасла, как залитое водой пламя. Словно сговорившись, противники разошлись в разные стороны.

Токлок, разрубленный от предплечья до самого пояса и к тому же протащенный волоком на расстояние полета стрелы, лежал на земле, не подавая признаков жизни. Воины бережно уложили его на попону, затем четверо всадников подняли хана, унося его с поля боя.

Отряд разбойников, отъехавший от караванной тропы, остановился на горной вершине. Несмотря на боль в своей хромой от рождения ноге, вдобавок ко всему пробитой стрелой в сегодняшней схватке, Аксактемир, стиснув зубы, молча и печально смотрел на раненого отца.

Двое противников, чьи сердца кипели от неутоленной ярости, встретились наконец-то лицом к лицу, но, подняв клинки друг на друга, так и не смогли утолить жажды мести. Оба захлебнулись собственной кровью. Никто из них не добился желаемой победы, никто с сознанием исполненного долга не вложил меч в ножны. Никто не вытер с лезвия запекшуюся кровь соперника. Ни у того, ни у другого на это не хватило сил. Подавленные и огорченные печальным исходом, уходили воины с места недавнего ристалища.

За всем этим наблюдала издали Альфия. Однако она так и не узнала, почему схватка окончилась столь быстро. Караван держал путь на Шаш.

И вот снова приходят на ум два ставших крылатыми выражения. Первое – «у народа чуткое ухо», и второе – «слово, прошедшее сквозь тридцать зубов, дойдет и до тридцати родов». Время их появления на свет установить трудно, но одно несомненно – они родились здесь, на этих степных просторах, и для этих просторов являются непреложной истиной. Весть о том, что Тарагай скончался от тяжелой раны и что Токлок заживо гниет в своем роскошном дворце, в одночасье достигла таких отдаленных краев, куда не всякий конь домчится. А после битвы между разбойниками и сарбазами хана пошла гулять по свету и такая пословица: «Поднявший руку на господина лишается головы; поднявший меч на подчиненного теряет всего-навсего руку».

Огибая подножье горы, ехала неспешно группа всадников. Всем своим видом походили они на лихих людей, подстерегающих добычу на большой дороге.

С осени до весны Аксактемир лечил свою ногу, навывлет пробитую стрелой, отпаривал ее в настое арчи и таволги. Тем не менее поврежденные сухожилия не желали распрямляться, отчего врожденная хромота стала еще больше бросаться в глаза. К тому же в нем, как в волчонке-подранке, росло и крепло чувство озлобленности и мстительности. Как назло, ни одного каравана не прошло по

дороге за последние полгода. Не попадалась ему добыча, которую он бы мог с ожесточением разорвать когтями. Но больше всего ждал Аксактемир каравана, принадлежавшего Альфии и ее мужу-торговцу.

Он похоронил отца на солнечной стороне Казыгурта, на равнине Жыланды, насыпав над изголовьем кургана груды камней. На исходе прошедшей осени долетела до него весть и о смерти Токлока, который умер, так и не оправившись от раны. Вместо него на трон взошел его наследник, ровесник Темира. Ходили слухи, что он без памяти влюбился в Альфию, то ли прослышав, что когда-то мать ее была женой отца, то ли, наоборот, ничего не зная об этом. Впрочем, молодой хан хотел видеть в Альфии не жену, а, скорее, советчицу. Так или иначе, но с наступлением весны караван Альфии должен будет пройти по дороге, ведущей из Шаша в Яссы.

Хорошую весть доставил на днях гонец, сообщивший, что на двадцать первый день месяца саура из Ясс вышел большой караван. Получив долгожданное известие, Аксактемир не спускал глаз с дороги. Всадников при нем было, как всегда, сорок. Как и раньше, соблюдал он это правило. Тем более что Тарагай перед смертью повторил свой наказ: «Помни, джигитов в твоём отряде должно быть ровно сорок. Не больше и не меньше – сорок! Только в этом случае все будут у тебя как на ладони, и подлецов сумеешь распознать сразу». Аксактемир с завидным упрямством держал данное отцу слово. Как знать, может, выражение «сорок разбойников» и пошло отсюда,

Наконец-то настал долгожданный день. Отряд преградил путь идущему каравану и, как овец в отару, сбил его в одну кучу. Аксактемир подошел к крытой повозке и рванул дверцу. Внутри сидели Альфия и ее муж.

– Выходи! – крикнул он им.

Как только предатель-торговец высунул из повозки голову, Темир рубанул его саблём. Альфия выскочила следом и застыла как вкопанная.

– Ну, что же ты, руби и мне голову! – выкрикнула она, сгибая шею, словно бы подставляя ее для удара.

Держа в руках обнажённую кривую саблю, Темир резко обернулся.

– Руби же, ну!.. – снова крикнула побледневшая, без кровиночки в лице, Альфия.

– Надо будет – отрублю. Или думаешь, я женщины испугался. К тому же этот паршивец, что лежал у тебя в объятиях, предал меня. – С этими словами Темир кивнул в сторону обезглавленного Мадыразака, чье тело все еще подрагивало в агонии. – Скажи, ты любила его? – неожиданно спросил он, и взгляд его немного потеплел.

– Зачем тебе знать об этом? Когда нет любимого, приходится любить того, кого не любишь...

– Это правда, что он предал меня?

– Думаю, правда. Но узнала я об этом только перед самой битвой, когда увидела, что большой отряд Токлока следует за нами.

– Если твой муж и в самом деле такой негодяй, почему же ты жалеешь о его смерти? Я уничтожу всех из этого каравана, кроме тебя! А ну-ка, джигиты, берите все, что вам может понадобиться, а остальное, за исключением вот этой женщины, предайте огню! – Вскинутая вверх рука Темира была сигналом к действию.

– Погоди, не горячись! – остановила его Альфия. – Настоящего предателя ты уже уничтожил. Зачем же тебе и дальше проливать кровь, обагрняя дорогу, по которой и впредь собираешься ездить, по которой когда-нибудь пройдут твои потомки, не говоря уже о тысячах других. Дорога эта священна. Так не заливай же ее кровью ни в чем не повинных людей, не пятнай землю, на которой живешь. Иначе реки крови будут тебе мерещиться повсюду, и муки совести сделают жизнь твою невыносимой. Кровь невинных людей не оставит тебя в покое, она будет взывать к отмщению. И не миновать тебе кары за содеянное зло! Послушай моего совета: если у тебя есть голова на плечах – не горячись! Отпусти караванщиков. Пусть забирают этот труп и идут своей дорогой. Свое они получили сполна, зачем же теперь преграждать им путь?

– Э-э, да ты, как я вижу, действительно умна! Слова твои пришлись мне по сердцу. Но разве не получится, что, отпустив караванщиков, я откажусь от мести за убитого отца, за себя, в конце концов, за свою покалеченную ногу?

– Возьми себя в руки и сделай так, как я советую. Подумай сам, кто поверит, что ты убивал не ради наживы, а из чувства мести?

– А как быть с тобой?

– Ты что, и вправду не знаешь, куда меня деть? Или освободи, или возьми в плен, воля твоя. Мужчина, которому не под силу решить судьбу одной женщины, недостоин носить борик на своей голове.

– Что ж, так тому и быть, выберу последнее. Джигиты! – воскликнул он, обращившись к всадникам: – Освободите всех! Пусть караван идет своей дорогой. За один набег нам достаточно одной отрубленной головы и одной захваченной женщины. Эта женщина – моя пленница!

Хромой Темир, прихватив с собой Альфию, повез ее в горы, в ущелье Алау и Казыгурта. Давно они не имели возможности видаться наедине и потому успели соскучиться друг без друга. Неудержимым вихрем понеслись наполненные весельем дни. Ни Темир, ни Альфия, казалось, не замечали их мелькания, пока наконец не почувствовали, что пришла пора всерьез подумать о будущем. Изнеженной Альфии жизнь в шатре, среди разбойников, была явно не по душе. Молодая женщина, привыкшая к легкой и беззаботной городской жизни, находящая удовольствие в праздности и роскошных пирах, в последнее время заметно погрустнела. Это ее состояние не укрылось от глаз Темира. Он вопросительно глянул на свою незаконную жену и сказал:

– Этот шатер, каким бы он ни был – мой дом. Для меня он ничем не хуже просторного дворца. Но тебя, вижу, жизнь в нем не прельщает.

– Раз ты и сам догадываешься, к чему задавать лишние вопросы.

– Значит, сделаем так. Ты совершишь побег отсюда и доберешься до Шаша. Вернешь себе состояние того предателя и заживешь, как прежде. Но не раздумывай долго, садись на самого резвого коня и скачи во весь дух! Я кинусь вдогонку, якобы преследуя тебя.

– Ты, оказывается, только о том и думаешь, как бы побыстрее от меня избавиться, – насторожилась Альфия.

– Я ведь и раньше говорил, что никогда не смогу на тебе жениться. Ты мне нравишься, но дело не в этом. Вдобавок ко всему, ты уже была законной супругой другого, а в таком случае, о какой женитьбе может идти речь. Но самое главное в том, что высокие горы, скалы, шатер – все это не для тебя, а я без них не мыс-

лю жизни. Среди этих мрачных ущелий, под этим шатром, покрытым оленьей шкурой, я чувствую себя как в раю. Только тут по-настоящему пахнет землей и небом, и перед этим святым гнездом доброты я преклоняю голову.

– Итак, выход один – бежать?

– Беги!

– А не опозоришь ты себя тем, что от тебя сбежала наложница?

Темир призадумался. И без того хмурое его лицо еще больше помрачнело, но через миг вновь обрело спокойное выражение.

– Если бы мы были супругами, я бы собрал в круг своих джигитов и трижды произнес бы слово «талак», означающее, что брак расторгнут. Для нашего случая это не подходит. Мы с тобой браком не сочетались, стало быть лишне и объявлять о его расторжении. Я поступлю иначе: скажу, что наложница сбежала потому, что жизни со мной предпочла богатство и состояние своего прежнего мужа. В это они поверят.

– Был бы ты на самом деле моим мужем, ни о каком другом счастье я бы и не мечтала. Но раз это невозможно, придется бежать.

– Разумные слова говоришь. Я, разумеется, якобы погонюсь за тобой и вернусь ни с чем. На пленнице не захотели жениться, вот она и сбежала. Объяснение вполне приемлемое.

– Спасибо за дельный совет. Я уйду, исчезну, но забыть тебя все равно не смогу. С самого начала ты поступал так, как я того желала. Не я ли надоумила тебя ступить на разбойничий путь? Зато мне и моему каравану ты никогда не чинил зла. И вот теперь ты говоришь: «Иди и попытайся найти свое счастье». Только от настоящего друга можно услышать такие слова, и я благодарна тебе за них. А напоследок скажу тебе вот что. Если не отыщу себе опоры там, куда иду, вернусь назад. Пусть твой шатер ждет меня, пусть двери его не будут заперты. Договорились? Скажи только, что ты подтверждаешь этот уговор, и тогда я смогу уйти.

– Альфия, Альфия, умница ты моя! Подойди ко мне, дай мне обнять тебя! – Они обнялись и замерли в долгом поцелуе. – Ты... ты самая умная женщина на свете! – Голос Хромого Темира срывался и дрожал от волнения. – Ты всегда будешь моим другом. Разве это плохо, если твой самый лучший друг находится вдали? Можно скучать в разлуке и мечтать о новой встрече. Я всегда буду помнить о тебе! Ты – чудесная, самая лучшая! Ты достойна быть женой, с которой до конца жизни можно пройти рука об руку, но...

– Что же ты остановился, договаривай уж до конца! Скажи все, что думаешь! Облегчи душу.

– Ты знаешь, как ни странно, я не безразличен к людской молве. К тому же я такой, какой есть, каким уродился – задиристый, самоуверенный, избалованный легкими победами, в чем-то наивный, но при всей своей доверчивости и бесхитростности все же волк. А вот ты, прожившая жизнь в достатке, совсем иной породы, ты – умная, знающая множество уловок, красношерстная и рыжегрудая лисица Алайских гор. Конечно, волк и лиса могут жить бок о бок, но охотиться предпочитают в одиночку... На этой мысли я вначале запнулся, а теперь договорил до конца. Ты услышала то, что хотела.

Эту ночь они провели вместе. А перед самым рассветом Альфия села на заранее оседланного резвого бегунца Темира и ускакала не оглядываясь. Темир

пустился в погоню, только для видимости нахлестывая скакуна. На самом деле он просто хотел убедиться, что Альфия благополучно одолела ущелье и достигла долины.

Поначалу Темир ни от кого не скрывал своего приподнятого настроения. Позавтракав, вошел в шатер, покрытый пятнистой шкурой благородного бухарского оленя, и только тут осознал до конца, что Альфии нет рядом. Он вдруг ощутил себя хромой собакой, брошенной на старом становище. Сердце его, казалось скулило от тоски, внутри все кипело и бушевало. Он сидел, скрючившись, словно волк с подведенным от голода животом.

Долго пробыл он в одиночестве, никому не разрешая входить в шатер. Было что-то необычное и страшное в этом ощущении подавленности, в нахлынувших мрачных мыслях. Такого отчаяния не испытывал он даже тогда, когда опускал в могилу тело своего отца Тарагая. Или когда услышал жуткую историю, больше похожую на кошмарную сказку. Историю о том, как Токлок убил его мать Сакып-жамал. Свой тогдашний страх он запомнил, но и он не идет ни в какое сравнение с теперешним. Чтобы утешить свою молочную мать Теккене, он положил ей голову на колени и впервые в жизни ощутил, что значит рыдать всем сердцем.

Он сидел, раскачиваясь из стороны в сторону. Его жалкое существование и впрямь напоминает жизнь диких зверей. Неужели и дальше все будет так? Без стремления к цели, без надежды на будущее. Сердце источено вечным беспокойством, оттого и руки холодны для объятий. Впереди не видно даже крошечного зовущего к себе миража. Куда идти, что делать? Есть ли что-нибудь никчемней и постылей, чем такая жизнь?

Слава о нем далеко разлетелась по свету, сея повсюду ужас. В тех краях, где он появлялся, именем Темира пугали детей. У плачущего ребенка мгновенно высыхали слезы, стоило ему только услышать: «Не перестанешь плакать – придет Хромой Темир и унесет тебя в горы в своем коржуне». Что это? Та слава, которая дает уверенность и силу повелевать другими? Неужели так важна эта дешевая шумиха вокруг имени, от которой ни холодно, ни жарко? Эту славу не потрогаешь руками и не положишь в карман. К такому ли счастью были некогда устремлены помыслы? Может, тогда напрасно отпустил он от себя Альфию? Не лучше ли было бы просто закрыть глаза и умереть в ее объятьях? Или взять ее с собой и уйти вдвоем далеко-далеко отсюда, где их никто не знает, куда не дошли слухи о его разбойничьих злодеяниях. Еще вчера такой выход был бы возможен, а сегодня?.. Нет дорог, которые вели бы во вчерашний день.

Но удивительнее всего не это, а другое. Необъятен и просторен мир. Есть в нем и высокие горы, и бездонные пропасти. А за ними лежит манящая, полная миражей степь. И нет у нее ни конца, ни начала, нет ей предела. Но чем глубже он погружался в свои мысли, тем острее ощущал, что ему в этом необъятном мире нет места. Или уж на роду так написано – жить грабежами да набегами? Чего он этим добьется? Раньше хоть была цель – отомстить Токлоку. Но его уже нет в живых, умер от ран, нанесенных его отцом Тарагаем. Не стало и отца. К чему и куда устремиться ему теперь? Объявить врагами всех потомков Чингисхана – самонадеянно и глупо, об этом ли ему сейчас думать. Бог с ними, с потомками. Но что если его самого ждет судьба Тарагая? Вдруг он, как отец, не сегодня-завтра погибнет в какой-либо из схваток? Семимесячный пришел он на этот свет, и было это в 1336 году. Сейчас идет 1359-й. Почти два мушеля, два двенадцатилетних отрезка остались позади. Доживет

ли он до своих двадцати четырех? До сих пор жизнь протекала бессмысленно. Как ни ищи, не найдешь в ней ни достойных воспоминаний, ни ярких событий. Все самое лучшее связано с Альфией. Здесь и первые свидания, и последние шесть месяцев, проведенные в горах, когда она была его пленницей. Больше вспомнить не о чем. Теперь надо встряхнуться и принять какое-то решение. Главное – узнать, где сейчас Альфия. Это он сможет выяснить с помощью пятерых джигитов, которых завтра же пошлет в Шаш, Отрар, Самарканд, Караспан и Яссы.

Прошло некоторое время, и четверо гонцов вернулись ни с чем. Но пятый, побывавший в Самарканде, добыл немало сведений. Оказывается, едва Альфия возвратилась в Шаш, как тут же молодой женщиной, сумевшей убежать от сорока разбойников, заинтересовался сам правитель Самарканда. Альфия была приглашена в ханский дворец. Принесенные гонцом вести обеспокоили Темира. «Что если Альфия решила предать меня в руки хана? – подумал он, но, поразмыслив, пришел к выводу: – Нет, на такое она не способна. Альфия никогда не пойдет на предательство. Скорее всего, ее просто прельстила роскошь ханских покоев, а может, и сам хан, ищущий близости с красивой женщиной».

И опять Хромой Темир метался и корчился от боли, не находя себе места. На следующую ночь, тайно от всех, он снова направил в Самарканд верного человека. Гонец оказался везучим: добравшись до города, сразу же столкнулся с тремя всадниками: это Альфия ехала в сопровождении двух джигитов, черноусых, с красными колпаками на головах. Их присутствие помешало гонцу подойти к ней. Выждав некоторое время и дав возможность всадникам отъехать от города на значительное расстояние, он повернул коня и пустился за ними. До самого Шаша разведчик преследовал их по пятам. Запомнив масть коней, он надеялся не потерять их и в самом городе. Однако те словно растворились в людской толпе, и целых два дня гонец вынужден был без всякой надежды на удачу кружить по городским улицам. На третий день он вновь увидел их. В поведении всадников не было ничего подозрительного. Так же сели они на коней, потом не спеша выехали на дорогу, ведущую в сторону Казыгурта. Гонец поскакал за ними. Когда же стало ясно, что всадники направляются не куда-нибудь, а к стану разбойников, решил пойти на хитрость. Петляющую дорогу он сменил на прямую тропу, и вскоре оказался впереди Альфии и ее спутников. Теперь уже всадники догоняли его, а он вел их за собой, как это обычно делает продажная сорока, указывая охотникам путь к легкой добыче.

– Смотрите, кажется, этот человек решил оповестить разбойников о нашем прибытии, – смеясь, сказала Альфия своим спутникам.

Слова Альфии, конечно же, не долетели до ушей гонца, но тем не менее коня своего он несколько раз подстегнул камчой.

– Едет! Альфия сюда едет! – торопливо доложил он Темиру.

– Где она?

– На дороге.

– Одна?

– Нет, с двумя всадниками.

– Кто такие?

– Не знаю.

– Тогда скажи к ним и передай, чтобы не вздумали подъезжать к самому шатру.

Гонец во весь дух поскакал назад. Хромой Темир со своей свитой отправился следом.

Теперь уже разведчик был в роли посыльного. Он всюду прищипывал коня, и ветер развеивал полы его одежды. Время от времени он кричал приближающимся всадникам: «Стой! Стой!»

Альфия жестом приказала спутникам осадить коней.

– Что случилось? – спросила она у подъехавшего джигита.

– Вам велено не двигаться с места. Сейчас сам Темир явится сюда.

Действительно, вскоре показался предводитель в сопровождении пяти конников. Посланники ждали его, не спешиваясь.

– О, Альфия, ты, как я вижу, возвратилась ко мне! Я был уверен, что ты вернешься. А эти двое рядом с тобой, кто они? Что их привело сюда на верную погибель? Ты же прекрасно знаешь: для того, кто подойдет к моему шатру, обратной дороги нет. Я пока что не отменял старого правила. Ну-ка, – обратился он к своим джигитам, – отведите в сторону этих паршивцев!

По всему было видно, что Темир вне себя от гнева, глаза его метали молнии.

– погоди, Темир! Давай разберемся вначале, что к чему, расспросим друг друга о жите-бытье. Хоть поинтересовался бы, зачем я пришла! – попыталась охладить его пыл Альфия.

– Меня подробности не интересуют. Ты мне нужна сама, и этого достаточно. Все остальное – пустые слова, брошенные на ветер.

– Но я посланница, а посланников полагается выслушивать. Тогда у тебя не будет причин для гнева.

– Хорошо, но прежде я все-таки расправлюсь с теми двумя.

– Лучше, если мы сперва поговорим с глазу на глаз, – сказала Альфия и, повернув коня, заставила Темира отъехать в сторону. – Зачем тебе трогать этих людей, явившихся сюда не по своей воле. Это же евнухи, охраняющие красавиц ханского дворца, и даны мне в провозатые. Без них разве ревнивый хан отпустил бы меня в стан разбойников?

– Стало быть, ты все-таки снюхалась с ним и спала на его ложе? – сердито стиснув зубы, спросил Темир.

– Если ты считаешь себя умным, то выясни вначале, зачем я вообще сюда пришла. Узнай, что к чему, – повторила Альфия и, метнув на него быстрый взгляд, добавила: – И нечего ревновать ту, которая тебе не принадлежит.

– Ну, и зачем же ты пришла, сучка, не с одним, а с двумя кобелями впридачу?..

– Во-первых, не забывай, что я посланница, и вправе требовать к себе более вежливого обращения. К тому же я пришла примирить тебя с ханом. Не зря говорится: посол примиряет, гонец – войну объявляет. Не для разжигания распри пришла, а примирения ради. Ну а во-вторых, да будет тебе известно – я не сучка. Если я сучка, то прекрасно помню своего первого кобеля...

Эти слова изрядно развеселили Темира. Он сошел с коня, взял под уздцы скакуна Альфии и отвел его подальше.

– Итак, слушай! – начала Альфия. – Едва я успела обосноваться в Шаше, как ровно через неделю ко мне пожаловали визири хана, предложившие мне поехать с ними в Самарканд. Видать, слава о женщине, убежавшей от сорока разбойников, дошла уже и дотуда. Я согласилась и, попав во дворец, где в ожидании приема протомилась целые сутки, была наконец-то представлена хану. Судя по характеру вопросов, его прежде всего интересовал ты, Темир. Хан потребовал от меня

правдивых ответов, и я поклялась говорить только правду, хотя, признаться, лгать не было никакой необходимости. О тебе я сообщила следующее: ты – умный, смелый, сильный джигит, умеющий держать слово и никогда не идущий на пятную. Последнее, кстати, больше всего пришлось по душе моему собеседнику. Далее последовало нечто неожиданное: «Ты должна, – сказал он, – помочь мне наладить с ним отношения». И, видя мое недоумение, добавил: «Мне нужны отчаянные и смелые воины. Особенно сейчас, в это смутное время, когда пестрое знамя чингисханова рода из козьей шерсти вылиняло и обветшало настолько, что готово упасть. Если в такой момент не иметь под началом джигитов, способных держать в руках оружие и вести за собой отряды, то невозможно будет удержать народ в узде».

Затем хан оговорил условия, по его мнению, одинаково приемлемые для обеих сторон: «Никто из нас не обязан верить другому на слово, поэтому всякие недомолвки лучше устранить заранее. Личных контактов между нами не будет ни теперь, ни после, когда я назначу его правителем одного из моих городов, каким он сам пожелает править. Я в его город не сделаю ни шагу, но и он не должен показываться в Самарканде. Более того, из города будут выведены мои сарбазы, чтобы он имел возможность войти туда со своими воинами». Речь хана звучала убедительно, и я согласилась отправиться к тебе в качестве его посланника.

– Что он еще сказал тебе? Какие вопросы задавал, как ты отвечала на них? – спросил Темир, не спуская с Альфии сверлящего взгляда. – Говори, не скрывай ничего. Или ты считаешь меня простаком, которого легко заманить в ловушку?

– Я никогда не считала тебя наивным человеком. Ты и сейчас многое предугадываешь. Хан действительно задал мне еще один вопрос. Он спросил, почему ты стал разбойником?

– Ну и...

– Я ответила, что причиной всему твоя ненависть к Токлоку, которому ты мстил за то, что тот хотел стереть твой род с лица земли. Хан выслушал и произнес: «Дело свое он довел до конца, теперь пусть возвращается и служит мне». Вот с этим я к тебе и приехала. Если есть что сказать – говори, ставь свои условия. Я все передам хану.

– Условие у меня одно: ничто не должно угрожать моей жизни. Мне нужна уверенность, что, поступив на службу, я не предаю себя в руки врагов и не буду умерщвлен. Вот эти слова ты и повтори в ханском дворце.

По совету Альфии Темир оговорил еще несколько важных моментов. Во-первых, желательно, чтобы город, в который он будет назначен эмиром, находился неподалеку от его становища. Во-вторых, чтобы хан, как и обещал, отозвал из города своих сарбазов, не дожидаясь, пока Темир въедет в него. И в-третьих... Впрочем, тут наблюдалось полное единодушие: «Ни я к хану, ни хан ко мне без обоюдного на то согласия являться не должны».

Огибая подножия гор, скачут по дороге трое всадников.

Той же ночью Альфия отправилась в Самарканд, а по прошествии двух недель из Самарканда в станowie разбойников прибыл посыльный. Он огласил указ, из которого следовало, что по высочайшему повелению хана сын Тарагая Аксактемир, двадцати четырех лет от роду, становится отныне эмиром Кешкента.

Вскоре Темир прибыл в город и стал править им, и произошло это в 1360 году. Сорок джигитов въехали в Кешкент следом за своим предводителем. Позже каждый из них стал начальником отряда из десяти-пятнадцати воинов, и все они обязаны были служить верой и правдой новому эмиру, защищая город от внешних и внутренних врагов.

Альфия, сыгравшая немалую роль во всей этой истории, по-прежнему оставалась связной, доставляя в Кешкент ханские приказы и распоряжения. В своем новом качестве Темир устраивал ее гораздо больше, но едва Альфия начала подумывать о возвращении к нему, как получила неожиданный отпор.

– Ты являешься связной между мной и ханом, – напомнил ей Темир, – и это хорошо, потому что никому другому я бы не смог довериться. Но если такой человек, как ты, станет женой одного из нас, доверие исчезнет. Прошу тебя, ничего не меняй, пусть все останется по-старому.

Действительная же причина столь решительного отказа крылась вовсе не в Альфии, а в том, что молодой эмир Кешкента в последнее время все чаще стал заглядываться на прекрасную Улдай, сестру Бахрана, одного из его прежних сорока джигитов. В конце концов именно Улдай и стала его законной супругой. На свадебном тое среди гостей присутствовала и Альфия. Ни единым намеком не выдала она своих прежних отношений с эмиром, однако отъезд ее в Самарканд утром следующего дня был подозрительно поспешным. А потом выяснилось, что посыльными хана стали совсем другие люди. Приказы и распоряжения доставлялись ими в Кешкент исправно, и Аксактемир выполнял их беспрекословно. Самолюбие и самоуверенность сочетались в нем с исполнительностью, которая по большей части была заслугой начальников отрядов и самих воинов. Эмир только контролировал точность выполнения и самым строгим образом спрашивал с нарушителей. Помощь в этом ему оказывал Бахран, родной брат Улдай, которого он назначил военачальником всего гарнизона.

Бахран отличался приятной внешностью и могучим телосложением. Но мужественные черты и осанка бывалого воина не скрывали, а, наоборот, подчеркивали его родство с красавицей Улдай. Брат и сестра были очень похожи друг на друга.

После долгого отсутствия Альфия приехала в Кешкент в тот день, когда Улдай родила Аксактемиру первенца. Не заходя в личные покои эмира, она поздравила его в зале дворца.

– Вот и явился на свет твой наследник. Я поздравляю тебя с сыном. Пусть он будет счастлив и не знает печали. Может так случиться, что, повзрослев, он станет эмиром и не такого города, как твой Кешкент. От всей души желаю ему этого! – Альфия вздохнула и произнесла уже совсем другим тоном: – Теперь ты по-настоящему отдалился от меня, и тут уже ничего не поправишь.

Аксактемира бросило в дрожь от ее слов:

– Эй, Альфия, смотри не вздумай становиться мне поперек дороги! Будь благо-разумна, не чини зла Улдай и ребенку! Знай, в его жилах течет кровь Тарагая, с оружием в руках защитившего свою честь. Кровь павшего в битве священна!

– Зачем ты хочешь навести на меня напраслину? Никаких дурных помыслов я не держу за душой и, если удастся, постараюсь это доказать. Я не из тех людей, кто делает добро в надежде получить его назад. Поверь, ни о какой корысти я не думаю, и поэтому упреков твоих не заслуживаю.

– Ты говоришь о прошлом, а я о будущем. Позади меня лежат годы мук и страданий. А такие, как я, – не обласканные жизнью, с кровоточащей от ран душой, – всегда со страхом смотрят вперед и стараются оградить себя от всевозможных злосчастий. Я знаю, более близкого друга, чем ты, у меня нет. Все так, и головы наши лежали на одной подушке, и на одном ложе мы возлежали, но если вспоминать об этом постоянно, разве тогда не обесценится прошлое? Дни наших встреч и ночи любви там, в Караспане, на берегу Арысафа, останутся в моей памяти как самые нежные, самые сладкие воспоминания. Но давай спрячем их подальше, чтобы они не помешали нам сохранить нашу дружбу.

– Спасибо тебе, Темир! Да сбудется сказанное тобой! Я буду верна нашей дружбе до гроба и хочу клятву эту скрепить поцелуем.

Темир обнял Альфию и поцеловал ее. Через сомкнутые, ладонь к ладони, руки они вдруг почувствовали, как взволнованно бьются их сердца. «О, боже, как прекрасно, когда на смену словам приходит язык рук, сердец и глаз!» – подумалось в тот миг Альфии.

– И плохое, и хорошее – все успели познать, ничто не укрылось от наших взглядов. И все-таки нет на земле чувства выше, чем дружба. Самый первый, самый настоящий мой друг – это ты, Альфия! Ради тебя я жизнь готов отдать! – Сказав это, Темир низко поклонился стоящей перед ним Альфии.

– Чтобы Темир склонял голову перед женщиной – такое я вижу впервые! – попыталась она за смехом и шуткой скрыть свое волнение.

– С первых дней знакомства я знал, что моя опора – ты. Но признать твое превосходство вот так, как я это сделал сейчас, мешало, наверное, мужское самолюбие. Шея не гнулась, язык не поворачивался. Зато теперь я могу высказать то, о чем думаю: Альфия, будь мне не только другом, но и советчицей, наперсницей! «Волос долог, ум короток» – так всегда презрительно отзывались о женщинах, а я не согласен с этим. Тем паче, что и у мужчин волосы бывают длинными. Можно подумать, что они только затем и стригут их, укорачивают или напрочь сбрасывают, чтобы доказать свое умственное превосходство.

Альфия рассмеялась, но в душе она была благодарна Темиру за его чуткость, за попытку растормошить ее, поднять настроение, в чем она сейчас так нуждалась.

– Я верю в искренность твоих слов и в твою дружбу, – сказала Альфия.

– Тогда скажи, что ты считаешь в дружбе главным?

– Доверие, честность по отношению к друг к другу и умение хранить общие тайны. И, конечно, искренность.

– Все верно. Но самое главное – это никогда не предавать друг друга. Дружбу предает только тот, кто дешево ее ценит.

– Ты прав, дружба бесценна, и потому она не может ни продаваться, ни покупаться.

Они уселись на круглый деревянный помост-саки, собираясь продолжить начатую беседу.

– А ну-ка, Альфия, давай поговорим откровенно, как равный с равным и, в первую очередь, как настоящие друзья – без утайки. Своей глупой башкой я поначалу никак не мог понять, почему хан, – не без твоей помощи, разумеется, – задумал приблизить меня. Потом догадался: все дело в моем недобром имени. Он воспользовался им, чтобы усмирить, припугнуть непокорный народ,

а в конечном итоге – удержать свой пошатнувшийся трон. Ну и как теперь, хан успокоился хоть немного?

– Еще год назад он просто рвал и метал. Сейчас вроде поутих. Но всему свое время: у своенравного народа айран сквашивается на рассвете, кымыран – ближе к вечеру, а после полуночи под навесом подсыхает кислый курт... Казна хана мало-помалу приходит в упадок, тратится больше, чем приобретается, и не кончается грабеж подданных. Если и вправду рыба гниет с головы, то в данном случае голова уже насквозь прогнила. Как видишь, ничего хорошего...

– Говорят, что половина казны идет на содержание дворца и на личные нужды хана. Может, так оно и есть. Чрезмерное богатство опьяняет, а опьянение не дает твердо ступать по земле. На дрожащих ногах далеко не уйдешь.

– Половина всей казны – это мелочь. Если наложницы достаются ему задаром, а через год-другой он продает их за золото, которое тоже исчезает бесследно, – что еще можно тут сказать?!

– Почему же он не пускает меня в Самарканд? Не позволяет даже приблизиться к городу?! Правитель, не доверяющий своим подчиненным, делающий ставку не на ум, а на силу, рано или поздно утратит свою власть.

– Хоть ты и служишь хану, но секретов его знать не должен. Он ко всем относится с подозрением, особенно к таким, как ты, – умеющим держать в руках оружие. И тут ты, пожалуй, прав: дни такого хана сочтены.

– Все так, ты, Альфия, действительно умная женщина, если сумела разглядеть и почувствовать это. Каждый раз, встречаясь с тобой, я отдаю должное твоему уму.

– Большой похвалы от тебя мне и не надо. Доверие твое постараюсь оправдать на деле. Если хочешь, могу даже постараться расчистить дорогу к ханскому престолу.

Темир резко вскинул голову:

– Тебе многое под силу, в этом я убедился.

– И еще не раз убедишься. Главное – будь крепок духом и телом. И держи язык за зубами. Постарайся склонить подданных на свою сторону, добейся их уважения. Только восход и заход солнца нельзя отменить в этом мире, все остальное можно переделать заново. И сталь, ржавея, обращается в пыль и прах!

– Э, да ты и впрямь рассуждаешь как мудрец!

– Смотри, сглазишь! Сплюнь скорее! Сначала через правое плечо, потом через левое и под ноги. Да не забудь сказать при этом: «Чтоб язык мой отсох!»

Аксактемир все исполнил в точности, как советовала Альфия. Под конец даже как бы растер несуществующий плевок, приговаривая при этом:

– Чтоб язык мой отсох! Тьфу-тьфу, от греха подальше!

Альфия, скрестив руки на груди, звонко, по-детски рассмеялась:

– Ну, Темир, ты далеко пойдешь, высоко поднимешься! Но скажу сразу – из двух твоих советчиков один непременно должен быть женщиной. Такой, как я, например.

– Где я еще найду женщину, равную тебе?! Значит, ты и будешь моей советчицей.

Альфия промолчала.

– Что ж не спрашиваешь – почему?

– Ну и почему?

– Да потому, что только женщине под силу угадать, какие крамольные мысли зреют в голове другого, главного советчика.

– В самую точку попала, верно сказано!

С тех пор, где бы ни находилась Альфия, связь ее с Темиром не прерывалась.

Аксактемир правил Кешкентом около десяти лет. За эти годы напрочь стерлись из памяти народа прежние его прозвища – кровопийца, грабитель, разбойник. В краю, где он правил, авторитет эмира был высок. Став отцом пятерых детей, он все реже вспоминал муки и лишения – так обычно укорачиваются утренние тени, перед тем как исчезнуть в полдень. Править народом ему под силу, в этом он убедился. Трудности его подстегивали, удачи не обольщали. Не бросал слов на ветер и не привык дважды повторять свои приказания. Как смелый и упорный человек, объезжающий норовистого коня, никогда не останавливается на полпути, пока не подчинит его своей воле, так и Темир сидел на троне уверенно, каким бы шатким и не казался подчас ему этот трон.

И, конечно, не было у него друзей вернее, чем Бахран и Альфия. Бахран стоял во главе гарнизона. Любое приказание правителя – приведи! усмири! захвати! наведи порядок! – он исполнял с таким рвением, будто они полностью совпадали с его собственными желаниями. Кроме всего прочего, Бахран был родным братом Улдай и, как и сам Темир, отцом пятерых детей-погодков.

12

Огибая подножья гор, ехали двое всадников. Они о чем-то оживленно переговаривались, как это обычно и бывает между родственниками – зятем и шурином.

– Десять лет мы сидим с тобой здесь в Кешкенте. Даже не верится! – удивленно качнув головой, произнес Аксактемир. – Пора бы уже и честь знать. Или других городов нет, кроме Кешкента? Что если взять да и сказать об этом хану? Пусть даст нам другой город – побольше да побогаче. Двум таким батырам, как мы, все по плечу. Долго ль мы еще здесь прозябать будем?

– Прозябать, конечно, незачем, но и на поклон к хану идти не хочется. Может, лучше тряхнуть стариной и захватить силой?

– О чем ты? Что или кого мы захватим?

– Уничтожим хана и захватим Самарканд.

– Да, но как мы это сделаем?

Задав этот вопрос Бахрану, Аксактемир, казалось, и сам всерьез задумался. Действительно, почему хан до сих пор побаивается своего эмира? Потому что не уверен в своей силе? Или потому, что не хочет показать свои уязвимые места? А неплохо было бы узнать про них! Но, допустим, хана он свергнет – что дальше?

С головой уйдя в свои мысли, Аксактемир словно бы забыл о своем собеседнике. Поскреб в затылке, коснулся ладонью лба, потом шевельнул хромой ногой, как бы желая убедиться, что старая рана больше не тревожит его, что все в порядке, все как всегда.

– Почему я не задумывался об этом раньше? – выходя из задумчивого оцепенения, воскликнул Аксактемир. – Ты правильно сделал, Бахран, что подсказал мне эту мысль! Кроме восхода и захода солнца, все в нашем мире изменчиво, все можно переделать заново. Как бы ни был хан знатен, чем он лучше меня? Как и он, я тоже рожден на свет женщиной. А трон, разве не похож он на строптивного

коня? Плохого седока сбрасывает, сильному – покоряется. Остается выяснить, кто же из нас сильнее.

Аксактемир не стал признаваться Бахрану о том, что в пылу восклицаний повторил одну из фраз, сказанных некогда Альфией. Зачем лишний раз напоминать шурина ее имя? До сих пор Улдай ничего не слышала об Альфии, пусть так будет и дальше.

– Обо всем этом надо хорошенько подумать... – продолжал размышлять Аксактемир. – Говорят, что в далеком Каракоруме даже Чингисхан перевернулся в своей гробнице. Не знак ли это того, что под его потомками закачался трон? И неужели мы не воспользуемся таким моментом? Завидев перед собой белую вершину, скажем «аумин» и попытаемся овладеть ею. Чем издалека выкрикивать угрозы хану, лучше набраться духа и встретиться с ним лицом к лицу, не так ли?

– Прежде всего надо выведать все потайные ходы в ханском дворце, ознакомиться с ними джигитов, и тогда одной ночи достаточно, чтобы исполнить задуманное.

– По-твоему, все так просто?

– Ловким да смелым нет преград.

По предложению Бахрана в Самарканд отправились верные люди, которые должны были разведать, где стоят сторожевые посты, а также выяснить план подземных ходов и расположение дворцовых комнат. Руководить пятью разведчиками Аксактемир поставил самого Бахрана.

Оставшись один, он тут же послал гонца за Альфией.

– Час, о котором ты говорила, пробил! Я хочу быть ханом! – воскликнул он, едва завидев ее.

– Я не перестану удивляться тебе, Темир! – засмеялась она. – Сначала ты из-за ревности отрубил моему супругу голову, хотя и не испытывал любви ко мне. Теперь вот все из-за той же ревности решил разделаться с ханом! Когда же ты наконец угомонишься?

– Мужа твоего погубил не я, а его собственное предательство, которому ты свидетельница. А с ханом сложнее. Тут причина моей ревности вполне обоснованна. Как я могу безнаказанно позволить ему обнимать женщину, которая была когда-то моим наслаждением? – рассмеялся он в ответ на шутку Альфии.

– До объятий и прочего дело пока не дошло, и вряд ли дойдет. Сад услад твоих неприкосновенен, Темир. Но если то, о чем ты мечтаешь, исполнится, может, тогда и я стану ханшей? – И она снова рассмеялась.

– Этого я тебе обещать не могу. Да и зачем – ты будешь намного выше, чем ханша!

– Ты что, придумалась для меня новый титул?

– Понадобится – придумаю. А теперь, Альфия, оставим на время шутки, поговорим серьезно. С какой стороны лучше подойти к дворцу? Изобрази план на бумаге.

– Ты действительно решился на этот шаг?

– Да. Для начала захвачу ханский дворец, а там видно будет.

– От своих решений ты не привык отступать, это я знаю. Но помни, если споткнешься, вслед за твоей головой упадет и моя. Постарайся, чтобы этого не случилось. А пока я буду чертить план дворцовых покоев, не мешало бы тебе поразмыслить на досуге о своем будущем.

Однако, как ни напрягался Темир, мысли его дальше захвата не шли. Поглядывая на склонившуюся над работой Альфию, он лихорадочно метался по залу. Когда же она протянула ему готовый план, Темир, едва взглянув на него, удивился обилию дверей в ханском дворце. «Где много дверей, там и углов много», – усмехнулся он и, сложив листок вчетверо, спрятал его в карман.

– А теперь, Альфия, – сказал он изменившимся голосом, – до тех пор, пока задуманное не будет исполнено, ты и шагу не ступишь из Кешкента.

– Мне, видно, на роду написано быть твоей пленницей!

– Я не шучу. Как бы ты поступила на моем месте?

– Я бы, наверное, человека, посвященного в секретные планы, не только бы не выпустила из города, но еще и бросила бы в зиндан.

– Слова по-настоящему умной женщины!

– Значит, я буду сидеть в зиндане, дожидаясь вести о твоей победе?

– Думаю, в этом нет надобности. Я верю тебе, обойдемся и без зиндана.

Вскоре вернулся из Самарканда отряд Бахрана, и Темир стал сверять привезенные чертежи с планом, нарисованным Альфией. Все в них совпадало до мелочей, чему Темир был чрезвычайно рад. Значит, его окружали честные, преданные ему люди, и это вселяло уверенность в успехе.

От дальнейшего участия в подготовке операции Альфия была отстранена. «Где есть две головы, третья – лишняя», – сказал Бахран, и Аксактемир последовал его совету.

Придя к окончательному решению, Темир заперся в одной из комнат своего дворца и просидел в одиночестве двое суток. Бахрану было поручено за это время собрать отряд из восьмидесяти человек – сорок прежних разбойников и еще столько же сарбазов Кешкента. Этого количества людей должно хватить. Если их будет больше, то каждый станет надеяться на другого, и все может пойти прахом. Не зря говорится: отара гибнет, когда пастухов без счета.

Аксактемир никогда не отличался чрезмерной набожностью. Но на этот раз его затворничество объяснялось необходимостью испросить поддержки у духов предков. Темиру нужен был аруах, призывающий к отмщению, придающий ему силу духа. Он решил, что имя его отца Тарагая вполне может послужить таким аруахом. Тарагай пал от сабли Токлока ровно одиннадцать лет тому назад, в пятницу. В память об этом именно на пятницу назначил Аксактемир штурм ханского дворца. И до тех пор, пока сам он не сядет на трон, имя Тарагая будет для него боевым кличем, заговоренным словом.

– Ты все делаешь правильно, – сказала ему перед самым наступлением Альфия. – Кроме одного: ты не боишься Бахрана.

Вытаращив глаза от удивления, Темир вопросительно уставился на нее.

Под покровом ночи, огибая подножья гор, из Кешкента выступил большой конный отряд.

Восемьдесят джигитов, отсидевшая в укрытиях днем и двигаясь вперед только с наступлением густых вечерних сумерек, быстро достигли стен Самарканда. Всех, кто попадался на пути, они без шума связывали по рукам и ногам, накладывали на коней путы, опускали наземь верблюдов. Ровно в полночь они вошли в город. Шестьдесят джигитов, разбившись по парам, заняли выходы из

тридцати дверей дворца. С двадцатью другими Темир и Бахран отправились просматривать внутренние помещения.

Город и дворец погрузились в мертвую тишину, не доносилось ни единого звука, ни единого шороха. В этом безмолвии было что-то жутковатое, леденящее душу. Лишь ханские наложницы при виде посторонних испуганно загалдели на миг, будто голубки, завидевшие беркутов: «Боже мой, кто это?» – но и они вскоре умолкли. Этим красавицам, единственным занятием которых было услаждать своего повелителя, всегда казалось, что стены дворца непреступны. Ни одна живая душа не посмеет проникнуть в ханскую обитель, не говоря уже о том, чтобы свободно расхаживать по комнатам. Нашествие множества чужих мужчин повергло их в ужас. Откуда взялись здесь эти странные существа? Куда подевались их стражи – оскотелые, выхолащенные, словно кони, черноусые евнухи? Ни единой души вокруг.

Обход дворца со множеством похожих одна на другую дверей и комнат занял немало времени. На рассвете, когда послышались зычные голоса муэдзинов, призывающих правоверных к утренней молитве, Темир и Бахран, прихватив с собой всех свободных от охраны джигитов, достигли наконец ханской опочивальни. Возле большой деревянной кровати, инкрустированной золотом, они увидели обезглавленное тело хана, а чуть поодаль – отрубленную голову.

– Все это вынести и бросить в зиндан! – распорядился Темир.

Бахран повторил его приказ слово в слово.

Тронный зал находился рядом с покоями. В него вошли только двое – Темир и Бахран. Часть джигитов осталась стоять за дверью, другие понесли в зиндан завернутое в ковер тело хана.

Помещение, в которое они вошли, оказалось просторным. Стены были сплошь увешаны дорогими цветистыми коврами, такие же ковры устилали пол. На почетном месте возвышался трон, с которого еще вчера хан оглашал свои приказы и распоряжения. Стоя плечом к плечу, Темир и Бахран замерли, не в силах отвести глаз от золоченого великолепия. По словам приближенных, трон был некогда подарен Самарканду самим шахом Ирана. И Темиру и Бахрану казалось, что они слышат, как гулко бьются их сердца, и что у того, кто стоит рядом, сердце стучит громче и напористей. Чего или кого ждали они – про то никому неизвестно. Что хотели услышать в мертвой тишине – и на этот вопрос не было ответа. Стояли, как вкопанные, глядя прямо перед собой, боясь одного – встретиться глазами друг с другом, замороженные глухими, все убыстряющимися ударами своих сердец. Слушали и не могли понять, почему так стучат они, и от гнетущего ожидания у обоих подрагивали колени.

Но чего же все-таки ждали эти двое?

Аксактемир ждал, когда же наконец его друг и родственник обернется к нему и широким жестом укажет на трон.

Подобного приглашения ждал и Бахран от Аксактемира. Вот сейчас он коснется его плеча и скажет: «Ты старше, тебе и дорога открыта. Кому же как не тебе, моему верному другу и шурину, занять этот трон?!»

Братья по оружию, связанные к тому же родственными узами, сегодня они впервые стояли бок о бок как два матерых волка-арлана, не в силах одолеть смятение. Ни слова не проронили они, точно утратившие дар речи. Ничего, кроме горячего дыхания и гулко бьющихся сердец. Ничего, кроме ощущения тяжести, давящей на плечи. И каждая минута ожидания казалась вечностью.

Первым решился взглянуть на соперника Темир. Лицо Бахрана поразило его оцепенелостью налитых кровью глаз, намертво прикованных к трону. Темиру показалось, что нечто похожее ему уже приходилось наблюдать в своей жизни. Он припомнил дикого камышового кота и замершую под его гипнотическим взглядом змею. Усыпляя бдительность змеи, кот выжидал, когда та пригнет наконец голову к земле, чтобы одним прыжком наброситься и растерзать жертву. Сейчас такой окостеневшей в своей неподвижности змеей был Бахран.

Бесшумно, по-кошачьи сделал он два шага назад, и кинжал Аксактемира по самую рукоятку вонзился под левую лопатку Бахрана. Тот не успел даже обернуться, только из горла его вырвался тяжелый, похожий на икоту, стон.

Затем Аксактемир не без труда извлек кинжал из спины шурина, вытер лезвие о край одежды и, прихрамывая, пошел к трону.

Он восседал на нем в чекмеке из дубленой овчины, подбитом верблюжьей шерстью. Никогда прежде не видывал он подобного трона, не касался его рукой и тем паче не сидел на нем. А вокруг ни звука, ни движения, все та же гнетущая, скорбная тишина. Да чуть поодаль лежал на полу тот, кто был его другом, боевым соратником, родным братом Улдай, матери пятерых его детей.

Об этом убийстве он и не помышлял прежде, а теперь, когда оно произошло, только о нем и думал. Крови в Бахране, рослом, с верблюда, краснолицем джигите оказалось столько, что даже роскошный пестро-зеленый ковер, вытканый в Хотане, не мог впитать ее полностью. Побуревшая и запекшаяся, она подрагивала на нем, как живая. Все поплыло перед глазами Аксактемира. Ковер становился то зеленым, то снова красным, цвета крови. У него закружилась голова, зашумело в ушах. Плотнo смежив веки, он вдруг явственно различил долетевший издалека горький и печальный голос Улдай, оплакивающей брата.

Начальник стражи, уставший томиться под дверью, в конце концов не выдержал и вошел в тронный зал с двумя сарбазами. Аксактемир вздрогнул от неожиданности, словно пробудившись от страшного сна, и, указав рукой на труп, приказал:

– Убрать его!

Это был первый приказ Аксактемира, прозвучавший с золотого трона.

14

На своем новом месте он казался теперь еще более грозным, чем прежде.

Никто не осмеливался спросить, что же произошло с Бахраном. Пока выносили труп и отмывали от крови пол, Аксактемир сидел, словно оглушенный, не шевелясь и ни на кого не поднимая глаз, похожий на загнанного и чудом ушедшего от погони волка.

Следующая фраза, прозвучавшая с золотого трона, была его вторым приказом:

– Найти и привести ко мне Альфию!

О захвате ханского дворца Альфия была уже наслышана, поскольку все это время находилась неподалеку. Вскоре она уже стояла перед Темиром, не скрывая своего приподнятого настроения.

– Я пришла, о великий эмир! – воскликнула она с самым серьезным видом, и на каменном лице Темира проскользнуло нечто похожее на улыбку.

– Поставьте вокруг дворца надежную охрану! Очистите город от сомнительных людей! – в третий раз приказал он своим воинам и только тогда обратился к Альфии: – Вот это место, по правую руку от меня, отныне будет твоим!

– К лицу ли мне, мой господин, сидеть столь высоко! – и она опустилась на длинную деревянную скамью, покрытую ковром.

Оставшись одни, Темир и Альфия переглянулись.

– Ну вот я и восседаю на троне! – медленно произнес он.

– Да, ты восседаешь на троне, и тебя можно поздравить с победой, великий эмир!

– Спасибо, Альфия-ханум!

– Какая же я ханум! Ведь так обращаются только к своей супруге.

– Ах, вот оно что! Тогда беру свои слова назад, а тебя, как женщину незамужнюю, впредь буду величать Альфия-бикеш.

– С этим я согласна.

– Итак, Альфия-бикеш, задуманное нами предприятие удачно завершено.

Каковы будут дальнейшие планы? С чего начнем в первую очередь?

– Думаю, начать надо с приведения своих мыслей в порядок. Сейчас у тебя, как у голодного волка, разбегаются глаза – не знаешь, какую овцу выхватить первой. Но ты стал эмиром, и могу ли я, как прежде, давать советы своему господину? Не достаточно ли будет вопросов, а они уже и сами натолкнут тебя на ту или иную мысль? В качестве примера могу предложить следующий: допустим, что беженцы из Самарканда возьмут в качестве заложников твою жену и пятерых детей. Что ты предпримешь в этом случае?

– Вернусь в Кешкент и освобожу их.

– И это будет твоей первой ошибкой, которая окажется впоследствии роковой.

– Что же делать? Бросить их на произвол судьбы?

– А зачем тебе их спасать?

– Значит, ты все еще надеешься стать моей женой?

– Да нет же, не обо мне речь! Подумай, разве сможет Улдай и дальше оставаться супругой, верной своему мужу?

– А почему бы нет? – искренне изумился Темир.

– Он еще и спрашивает! А на чьей совести смерть ее родного брата?

Темир побледнел, словно только сейчас до него дошел смысл содеянного.

– Пожалуй, ты права. Молчунья Улдай способна на месть. Заявление о расторжении брака было бы одинаково выгодно для нас обоих. Меня оно защитит от Улдай, ее спасет от тяжелой участи заложницы.

И Темир спешно направил гонца в Кешкент, чтобы опередить самаркандцев. Если его талак прибудет туда раньше, мстить им будет уже незачем.

– Вот ты и нашел верное решение, – похвалила его Альфия.

Таким образом, за свое восшествие на трон Аксактемир заплатил дорогой ценой – потерей жены и пятерых детей.

Гонец доскакал до Кешкента с сообщением о расторжении брака и вестью о смерти Бахрана. Улдай долго плакала, топя в слезах свое горе, пела поминальную песнь. Но глядя на нее, покрывшую голову черным платком, надевшую траурный чапан, никто не знал точно, кого оплакивала она, по ком причитала. Наутро появились в городе беженцы из Самарканда, чтобы пленить Улдай и ее детей, но она молча протянула им выданный Аксактемиром талак.

Беженцы остались ни с чем. Кипевшая в них жажда мести совсем погасла, когда они увидели сестру умерщвленного Темиром Бахрана в окружении пятерых детей, мал мала меньше.

А во дворце по-прежнему царила тишина. Горожане, удивленные отсутствием указов и высочайших повелений, как могли пробавлялись слухами и домыслами. Альфия исправно поставляла Темиру вести, услышанные от томящегося на площадях люда. Но вот в один из дней она повернула разговор на другую тему:

– Ты не хан, – сказала она Темиру. – Ханом может именоваться тот, кто является прямым потомком одного из четырех сыновей Чингисхана – Джучи, Чагатай, Удеге, Толе, которых родила ему старшая из жен – Борте. Другие потомки на это звание претендовать не могут, разве что на титул султана или шоры. Получается, что тебе придется остаться эмиром. Это во-первых. А во-вторых, пора приниматься за дело. Твоих указов ждут многие, и в первую очередь дворцовые люди: наложницы, евнухи, воины, слуги, священнослужители. Вели созвать их и огласи свой указ.

– Наложницам мое повеление объявишь сама. Нечего мне глазеть на них. Все мужчины, и эмиры в том числе, вылеплены из одного теста. Чего доброго, еще приглянется какая! – и впервые за последнее время улыбка тронула губы Аксактемира. – Пусть забирают свои вещи и разбредаются кто куда. Они вольны поступать как им заблагорассудится, возвратиться в родные края или же устроить свою жизнь здесь, в городе...

– Твои слова мне по душе! Ты воистину мудр, мой эмир! – воскликнула Альфия. Она тут же объявила высочайшее повеление наложницам, которых у прежнего хана было около пятидесяти, и те, словно выпущенные из зиндана узницы, торопливо покинули дворец.

Альфия вернулась назад. Переданная ею благодарность от наложниц, рабынь и служанок заметно повысила настроение Темира. Он вдруг на все лады принялся поносить Чингисхана, называя его разрушителем, и расхваливать себя, будущего создателя и восстановителя.

Вскоре по приказу эмира во дворец пришли многочисленные служители бывшего хана.

– Стой с ними, в толпе, – шепнул он Альфии, – не то подумают, что я действую по твоей подсказке. Заодно посмотришь, какие промашки я допущу во время приема. – И оглядев вошедших, громогласно объявил: – Тот, кто хочет служить мне честно, может и дальше оставаться при дворце. Остальным дорога открыта, удерживать силой не стану. Сарбазам скажу особо: по своим домам, по аулам пусть расходятся все, кому перевалило за тридцать. Молодых буду отбирать сам, но займусь этим позже. Теперь о евнухах. С нынешнего дня гарем при дворце упраздняется, и посему надобность в их услугах отпадает. Им я объявляю свободу и говорю, ступайте с миром! Будьте счастливы!

Все присутствующие остались довольны указами Темира, особенно приятно была удивлена Альфия, отметив ум и хитрость в новоиспеченном повелителе.

Прошло десять дней, наступило утро одиннадцатого. Мир оставался неизменным. Так же, как и прежде, на земле Мавераннахра сменялись дни и ночи, так же неизбежно стоял Самарканд, и все в нем оставалось на привычных местах. Лишь один Аксактемир сменил свой овчинный чекмень на бухарский халат из красного шелка, да вместо войлочного колпака голову его украсила золотая корона.

Размышляя о постоянстве этого мира, Аксактемир вынужден был признать, что и перемены в нем так же естественны, как чередование дней и ночей. Вот он

и добился желанного счастья – трона, о котором прежде не помышлял и во сне, титула эмира. А как добился? При мысли об этом по спине пробегали мурашки, и все тело покрывалось липким потом. Вчера еще он укрывался в горах Алая, и вот вместо бедного шатерка – роскошный дворец, отделанный золотом и серебром, с уходящими ввысь резными сводами. Кто и что привело его сюда? В такие минуты Темиру ничего другого не оставалось, как верить в судьбу и провидение.

Итак, вчерашний разбойник, тридцатичетырехлетний Аксактемир в 1370 году воссев на золотом троне, стал повелителем известных всему миру земель Мавераннахра. Поначалу его никто не называл эмиром. Для Альфии он по-прежнему был другом, для других – Хромым Темиром. Да и мог ли кто предполагать, что именно в этом человеке зародится та могучая сила, которая, подобно вулкану, всколыхнет два континента – Азию и Европу? И что человек, в котором эта сила уже подспудно зреет, идет сейчас по роскошному ворсистому ковру, чуть прихрамывая на правую ногу...

15

Сарай-Мулюк, первая красавица Мавераннахра, стала женой Аксактемира. Наделенная от природы красотой и умом в равной степени, она пользовалась во дворце неограниченной свободой, которую оговорила для себя сразу же: «Странной будешь править ты, дворцом – я». Такое заявление поначалу насторожило Аксактемира, но, поразмыслив, он решил, что «вряд ли с дворцовым хозяйством кто-нибудь справится лучше жены». Но особенно удивило и порадовало его то, что Сарай-Мулюк без чьей-либо подсказки сама выбрала себе в советчицы Альфию.

Улучив подходящий момент, он решил посвятить жену в свои планы: «Меня ждут походы. Я должен отторгнуть если не чужие земли, то хотя бы те, что уже были завоеваны Чингисханом и где теперь правят его потомки. Я создам огромную страну, ничего не разрушая, как он, а наоборот – восстанавливая и строя заново дворцы, минареты, здания. Ты поступила мудро, занявшись дворцом, не дожидаясь моего отъезда. Людям со стороны доверять опасно, поэтому в мое отсутствие тебе придется возложить на себя обязанности правителя». Об Альфии не было сказано ни слова. Решение Сарай-Мулюк Темир решил обойти молчанием, чтобы не дать с ее стороны повода для кривотолков. В противном случае Альфия из советчицы и наперсницы превратилась бы в надзирательницу, приставленную следить за женой в отсутствие мужа. Зато в разговоре с Альфией Аксактемир не скрывал ничего: «Я не настолько глуп, чтобы доверять женщине. Другое дело – ты с твоим умом и смелливостью. Тебе я могу поручить опеку над Сарай-Мулюк. Служи ей честно, а не в угоду мне, относись по-родственному и прими поручение это как признание дружеских чувств. Будь воспитательницей моих детей как здесь, так и в Кешкенте. Пусть они не чувствуют себя брошенными и забытыми. На все это я благославляю тебя, Альфия. Сам же на днях ухожу в поход. Хочу покорить Бухару, Хивы, Хорезм, весь Туркестан с Тураном в придачу...»

В поход он выступил, и все перечисленные ханства пали к его ногам. Было это в 1379 году. После Туркестана и Турана принялся за Иран. Через год завоевал вначале Герат, а затем и всю Персию. Началось строительство храмов, дворцов, минаретов. Позволив себе небольшую передышку в Мавераннахре, в 1391 году полностью подчинил себе земли от низовий Волги до Иртыша. Разгромил золотоордынского хана Тохтамышша, затем Едигея, завоевал всю северную часть

Центральной Азии. В 1397 году дошел до берегов Ганга. В последующие годы, вступив в союз с Византией, одолел одноглазого султана Баязита, прозванного Непобедимым. Дошел до Шама и Багдада, где повстречал знаменитого мудреца того времени Валиддина ибн Халдуна. Пленил Баязита, но вскоре отпустил его на свободу и, сделав своим вассалом, обложил огромной данью. В 1405 году приехал в Яссы (впрочем, так он поступал перед каждым своим новым походом – чтобы поклониться городу), где он вырос сам и где покоился прах его матери. Завернута в платок горсть земли с могилы Сакыпжамал служила ему талисманом. Очередной поход ждал его и теперь. Кроме того, хотелось взглянуть на построенный по его указанию Большой дворец с высоким минаретом и, конечно же, отдохнуть в объятиях нежно любимой им жены Таншолпан-Жулдыз...

Думается, подошло время уточнить для читателей одно обстоятельство. Повествуя о жизни Хромого Темира, я не задавался целью подробно рассказывать о его походах, об одержанных победах, о построенных им прекрасных дворцах. Любое из этих деяний могло бы стать темой отдельных сочинений. Самое большее, чего я хотел, это установить некоторые факты биографии Хромого Темира: кто он, откуда родом, как стал полководцем, с кем прожил свою жизнь. Из всего окружения Темира особая роль отведена Альфии, бывшей с юных лет его верной спутницей...

Итак, Темир нанес сокрушительное поражение войскам турецкого султана Баязита у стен Анкары, где, переплетаясь, протекали реки Мурат, Карасу и Кызыл-Ирмак. Встретившись с глазу на глаз со своим пленником, он сказал ему: «Крови твоей собственноручно проливать не стану. Город твой не сотру с лица земли. Мои сарбазы победили, потому что так приказал я. Тебе, султану, я дам свободу при одном условии: ты должен мне покориться и выполнять беспрекословно любое мое повеление». А когда, опираясь на посох, навстречу ему вышел мудрейший человек города Шам философ Валиддин ибн Халдун, то он поклонился ему и спросил:

- Кто ты такой?
- Я Валиддин ибн Халдун. Народ называет меня гением.
- Коли ты гений, ответь: есть ли у тебя ишак?
- А зачем тебе это знать?
- Если у тебя нет ишака, то возьми коня в подарок.

Они встречались трижды, и Валиддин ибн Халдун сделал такую запись о Хромом Темире: «Человек он весьма веселый, общительный, любит посмеяться и пошутить. Сам, однако, все понимает с полуслова. Приглядываясь к двум его советникам, сидящим по обе стороны от него, я пытался понять, что это за люди. “Они не такие мудрые, как ты, – сказал Хромой Темир. – Впрочем, один из них умом все-таки не обделен, зато другой – самый что ни на есть потомок Чингисхана, торе. К Чингисхану я не питаю особого уважения, но ценю в нем его воинственный дух и талант завоевателя. А если так, то в качестве талисмана вполне может выступить этот советник, его потомок, которого я беру с собой во все походы. Но между Чингисханом и мной есть одно отличие: он – разрушитель, я – созидатель, строящий и восстанавливающий города”».

Любопытен и такой факт. Трижды встречался и подолгу беседовал Валиддин с Аксактемиром, но ни разу не заметил, чтобы его «талисман» произнес хотя бы одно слово. Либо тот от природы был немым, что, собственно, и при-

влекло к нему Темира, либо язык его был укорочен по приказанию все того же повелителя.

В Шаме Альфия находилась подле Темира. Во время торжественных приемов она всегда занимала свое обычное место – во втором ряду, сразу же за советниками. Представляя ее кому-либо из приглашенных, Темир неизменно говорил:

– Эта женщина послана сюда моей женой Сарай-Мулук. По ее мнению: чтобы у мужа душа была спокойна, желудок сытым, а сон мирным, рядом с ним должна находиться или она сама, или кто-то из ее приближенных.

Однако поход в Шам, когда Альфия следовала за Темиром, был исключением. Обычно во время его долгого отсутствия она находилась возле Сарай-Мулук. И всех сыновей Темира, от какой бы из его жен они ни родились на свет, воспитывали они вместе. Повзрослев, джигиты разлетелись из-под их крыла, и Кандагар, Герат, Тебриз, Хорасан обрели своих наместников. Сарай-Мулук и Альфия с такой же заботой начали опекать новую поросль, не заметив, как подросли и внуки. В предстоящем походе правым крылом войск Темира должен был командовать внук Халел, левым – Хусаин. Сам же Аксактемир встал во главе всего войска. На этот раз глаза эмира были устремлены на Китай...

16

Начались приготовления к походу. И пока огромные по численности войска стекались к городам Отрар, Бузык, Карнак, Караспан, Тараз, Испиджаб, Баласагун, эмир оставался в Яссах, у Таншолпан-Жулдыз, самой младшей и самой любимой из всех жен.

Ни единого изъяна не было в этой ослепительной красавице – белолица, тонкокопанная, с огромными, как у верблюжонка, глазами, с высокой точеной грудью, она, казалось, полностью оправдывала имя Утренней Звезды. А две длинных косы, ниспадавшие до самых икр ее стройных ног, делали молодую женщину еще краше. В ее движениях и походке было столько грациозности, столько изящества, а во всем облике столько обворожительного спокойствия и уверенности в своей неотразимости, что одного взгляда было достаточно, чтобы навсегда стать пленником ее красоты. И вот эта красавица, в свое время сводившая с ума всех джигитов Отрара, в шестнадцать лет стала женой Темира.

Произошло все по чистой случайности. Раз в году Темир имел обыкновение наезжать к правителю города Отрар – Бердибеку, одному из лучших друзей со времен своей лихой юности. И вот, будучи как-то у него в гостях, он впервые увидел дочь Ажибека, который приходился Бердибеку младшим братом. Он долго не мог оторвать взгляда от Таншолпан-Жулдыз, и Бердибек понял, что появилась возможность еще более сблизиться с Темиром. На следующий год он без всякой шумихи отдал племянницу своему другу, сделавшись одновременно и его родственником, и правителем всех земель Отрара. Таншолпан-Жулдыз переехала в Яссы. Первое время тосковала и плакала не переставая, хотя и понимала, что от нежелательного союза избавления не будет. Однажды, когда Темир ушел в поход на Золотую Орду, увидела она под козырьком дома, специально для нее построенного, сидевшую на гнезде ласточку. Таншолпан-Жулдыз долго смотрела на нее, ощущая в душе тихую радость, а потом вдруг уткнулась в подушку и зарыдала. «О Аллах! – в отчаянии думала она. – Оказывается, птица счастливее человека! Эта ласточка счастливее меня, потому что

живет сама по себе и летает куда вздумается. На зиму отправляется в теплые края, а по весне возвращается. И гнездо может свить там, где понравится. Она пользуется свободой, которая дана ей навечно, а свобода, наверно, и есть самое больше счастье».

Таншолпан-Жулдыз плакала долго, но не нашла в слезах ни утешения, ни покоя, разве что чуть-чуть развеяла печаль-кручину. Поплакала, словно сирота-верблюжонок над бездыханной матерью, и перестала. Как он, выревевшись, наконец успокаивается и начинает с голода жевать колючку, так и Таншолпан-Жулдыз, омыв слезами свой лунный лик, смирилась и вскоре вновь похорошела и расцвела, как цветок. «Жизнь удивительная штука, – подумала она, – и главное в ней – запастись терпением. В нем единственное спасение и надежда, даже когда надеяться уже не на что. Но я смирюсь и буду ждать. Посмотрим, что уготовила мне судьба».

После этого прошло немало дней, месяцев, лет. И вот перед новым походом Темир снова прибыл в Яссы.

Возле своей любимой он, кажется, не спешил с отъездом. Старшая жена Темира, воспитательница его сыновей и внуков Сарай-Мулук, крепко задумалась о причине столь длительного отдыха. Не связала ли его по рукам и ногам красивая токал? Да и зачем ему на старости лет пускаться в столь далекий и опасный поход? Или не хватает тех земель, что уже завоеваны? После таких мыслей Сарай-Мулук решила отправить в Яссы Альфию: «Все, что ему сейчас нужно – это покой. Убеди его в этом и вместе с ним возвращайся назад!»

17

Появление в Яссах Альфии изрядно удивило Темира. Вопреки его ожиданиям, хитрая Альфия ни словом не обмолвилась о Таншолпан-Жулдыз. А вот о том, что он стар и что пора подумать о покое, сказала сразу. Но у Темира ответ был заготовлен заранее. Он постарался убедить Альфию, что предстоящий поход последний, в котором он примет участие, и что по такому поводу, как возраст, откладывать его нет надобности.

Не добившись своего, Альфии пришлось искать другие способы для достижения цели. Отказ Темира последовать совету говорил о том, что и для Альфии годы не прошли бесследно. Правда, эта женщина, никогда не носившая в своем чреве ребенка, по-прежнему отличалась статью молодой кобылицы, а по хитрости и коварству давно превзошла и свою бабушку Баршакатын, и мать Сурению. Да иначе и быть не могло, если вспомнить, сколько лет провела она в суровой атмосфере дворца, где постоянно приходилось быть начеку. Иными словами, ни обстоятельства, ни сама натура Альфии не позволяли ей сейчас отступить от задуманного, уйти от Темира не солоно хлебавши.

Альфия погрузилась в свою родную стихию – городские слухи и сплетни – в надежде выудить что-нибудь ценное. Они-то и привели ее к только что возведенному дворцу, который она долго рассматривала, пока наконец не нашла то, что искала. На самом большом из куполов не хватало двух кирпичей. А за этим изъяном крылась целая история.

Выждав неделю, Альфия под вечер явилась к Аксактемиру, и они проговорили до полуночи. Новость же свою, как козырную карту, она выложила только перед самым уходом, да и то начала не в лоб, а издалека.

– Видел ли ты недавно построенный дворец?

– Видел. Величина его соответствует моим замыслам. Да и пропорции соблюдены верно, как я того и желал. Но ушедших мастеров придется вернуть, кое-что требуется переделать.

– А не замечал ли ты случайно, что на главном куполе не хватает двух кирпичей?

– Ну и что в этом такого? Заделают.

– Тогда почему мастера так спешно, перед самым твоим приездом, покинули город?

Темир вопросительно глянул на собеседницу, и та продолжала:

– Если хочешь узнать, в чем тут дело, могу рассказать.

– Кому же, кроме меня, хотела бы ты еще поведать об этом?

– Никому, только тебе, Темир.

– Тогда начинай.

– Я поднялась под купол дворца и заметила изъян в кладке. Что это – не хватило кирпичей? Вовсе нет. Тайна в другом. Когда главный мастер Абильгазы стоял под куполом, во дворец вошла горячо любимая тобой Таншолпан-Жулдыз. Абильгазы посмотрел на красивую женщину, да так и замер с открытым ртом. Кирпичи, разумеется, выскользнули из его рук и разбились. В тот же вечер твоя токал пригласила мастера к себе, усадила гостя на это вот место, где ты сейчас сидишь, угощала его из твоей чашки... Одним словом, я тебе загадала загадку, я же ее и разгадала. Остальное домысливай сам. – На этом Альфия захотела закончить, но, увидев, как помрачнел Темир, добавила: – Теперь-то ты понял, что постарел. Послушайся меня и откажись от похода. Давай вместе вернемся в Мавераннахр.

На бледном лице завоевателя не было ни кровинки. Старость и в самом деле выглядывала отовсюду – из насупленных бровей, потрескавшихся губ, подернутых мутноватой пленкой глаз. Но когда душившая его изнутри злоба подступила к самому горлу, эти глаза сразу же налились кровью, затрепетали ноздри, поднялись кверху уголки опущенных губ. Когда же он наконец заговорил, то лицо передернула легкая судорога:

– Поход не отложу, об этом и не проси. Но перед тем как отправиться на Вос-ток, я совершу доселе невиданное жертвоприношение.

Сказанное означало, что разговор окончен и что Альфия должна покинуть дворец.

Все дальнейшее проходило уже в комнате Таншолпан-Жулдыз.

– Ты приглашала к себе мастера?

– Да.

– Ну, и что дальше?

– Я решила проучить его и отвадить от привычки заглядываться на чужих жен.

Для этого положила перед ним два яйца – одно красное, другое белое. Спросила, есть ли у него жена. Он сказал, что есть. А вот на второй вопрос: «Какое из яиц вкуснее?» – он ответил: «По вкусу одинаковые, разве что по цвету различаются». «Ну, коли так, – говорю, – тогда не на что тебе надеяться, джигит. Женщины тоже различаются только по облику, а в остальном они одинаковы. А теперь – наелся и ступай себе». Наверно, история эта стала известна в городе, потому что вскоре он уехал от стыда подальше. Говорят, подался в родные края.

– Если все сказанное правда, то ты поступила как умная женщина. Но я никогда не был склонен доверять женским речам. Все-таки ты подавала ему еду на блюде,

с которого всегда ел я. И предлагала испить воды из той пиалы, из которой пил я. А дальше что? Ты уложила его в постель, которая, опять же, предназначена для меня, и доказала на деле, что все женщины одинаковы?

– Ой-бай, не говорите так, не было этого!

– Замолчи, к чему пустые слова! Иди и ложись.

Таншолпан-Жулдыз ушла, а Темир остался сидеть, сгорбленный, с остановившимся взором. Распаяя себя все сильнее, он не желал мириться с услышанным. Как посмела его жена пригласить в дом мужчину? Каким бы искусным мастером тот ни был, он, прежде всего, мужчина! В ее словах нет ни слова правды, а если так... Вряд ли Альфия догадалась, о каком жертвоприношении шла речь. Наверняка она помнила, как после расправы над Бахраном он поклялся вначале на хлебе, потом на Коране, что никогда впредь не прольет собственноручно чужей крови. Да, голов по приказу срублено немало, пролиты реки крови, но в такие минуты разве не волю Аллаха осуществлял он? Сегодня – и тоже не без помощи Аллаха – он убьет свою жену Таншолпан-Жулдыз, которую когда-то познал совсем юной и невинной. Помешать этому никто не сможет, – в доме, кроме них, нет ни души. Но как быть с клятвой?

Он то сидел, раскачиваясь из стороны в сторону, то метался по комнате, как угодившая в сети старая рысь. Затем в приступе отчаяния выхватил из ножен нож и только тогда опомнился. Нет, на такое он не решится. Клятва есть клятва, и чужей крови ему проливать нельзя. Отбросив нож, он крадучись стал подбираться к комнате Таншолпан-Жулдыз и вошел туда бесшумной кошачьей походкой. Жена, не дождавшись мужа, крепко спала. Над масляной плошкой, поставленной в изголовье, подрагивал блеклый язычок пламени, отражаясь на светлом лице спящей. Подойдя вплотную, он окинул ее взглядом и почувствовал, как заклокотала в нем злорадия. Во мраке души не вспыхнуло даже маленького лучика нежности. Словно ошупывая воздух руками, он вдруг придавил всей тяжестью своего тела спящую жену и, обмотав черные, как смоль, косы вокруг белой шеи, начал душить ее. Старческие жилистые пальцы еще не утратили своей цепкой силы. На миг тишину пронзил женский душераздирающий крик, который затем перешел в прерывистую икоту, и дыхание прервалось. Он поставил горящую плошку ей на грудь, ладонью закрыл все еще поблескивающие широко раскрытые глаза и притушил пламя.

Несчастливая Таншолпан-Жулдыз! Казалось, она спала мирно и безмятежно, словно разомлев ото сна, и белая подушка на пуховой перине подчеркивала ее бескровно-бледное лицо, постепенно принимающее синеватый оттенок. Косы, толщиной в локоть, походили на большую черную змею, дважды обвившуюся вокруг шеи. Еще вчера вызывавшие восхищение, сегодня они, точно удав, удушили ее. Узел на шее так и остался неразвязанным.

Всю ночь он просидел на деревянном саки, подперев голову обеими руками. Словно почувствовав неладное, едва ли не с первыми лучами солнца во дворец пришла Альфия. Постаревшее лет на десять, внезапно изменившееся лицо Темира сильно напугало ее. Они встретились глазами, и каждый смотрел на другого долгим немигающим взглядом, словно лишившись дара речи.

– Не захворал ли ты? – спросила наконец Альфия.

Он отрицательно покачал головой.

– Я же говорила, возвращайся к Сарай-Мулюк. Все, что тебе сейчас надо, это ее хороший присмотр. И раз и навсегда забудь о походе.

Темир ничего не ответил, лишь медленно покачал головой.

«Чего доброго, этот бедняга и впрямь проглотил язык!» – забеспокоилась Альфия.

– Пора образумиться, Темир. Погулял ты вволю, во многих землях побывал... Теперь поезжай к своей байбише. Отдохни, отдышись. Дался же тебе этот поход!

– Не мели попусту языком! Завтра будет отдан приказ о выступлении. А та очистительная жертва уже принесена. Иди, смотри! – И Темир указал рукой на комнату Таншолпан-Жулдыз.

Альфия поначалу растерялась, не понимая, куда и к кому ее посылают, и только спустя некоторое время спросила:

– Ты убил ее?

– Убил.

– А как же твоя клятва? Ты что же, нарушил ее?

– Я не проливал крови, ты в этом убедишься.

– Значит, отравил? Но ведь я предупреждала, чтобы ты никогда не носил при себе этой дряни!

– И яду я ей не давал, да его и нет у меня.

Альфия вошла в комнату, освещенную утренними лучами солнца, и сразу же увидела Таншолпан-Жулдыз. Ее голова, неестественно запрокинутая, покоилась на подушке, и, почувствовав недоброе, Альфия подошла поближе. Длинные косы Таншолпан-Жулдыз тугим узлом стягивали шею. Альфия задрожала, ощущая, как тесно стало в груди сердцу, как бешено заколотилось оно. Казалось, свет померк перед глазами, и подступившие к ним слезы вот-вот хлынут неудержимым потоком. И все же опомнившись, она сумела взять себя в руки.

Вернувшись назад, Альфия сказала с издевкой в голосе:

– Помнится, и меня в молодости, играя, ты не раз душил, обвивая косы вокруг шеи. С тех пор, мой эмир, ты здорово набил на этом руку. Она же твоя жена! Ведь ты любил ее!

– Прекрати молоть чушь! – прикрикнул Темир и, быстро одевшись, вышел из дворца. Альфия последовала за ним.

В сопровождении большой группы нукеров они направились из Ясс в Отрар. По дороге навстречу им двигалась большая толпа людей, шедших хоронить Таншолпан-Жулдыз. Он заметил Бердибека и, чтобы не дай бог не столкнуться глазами еще и с отцом убитой, стал смотреть поверх голов.

По прибытию в Отрар Аксактемир, как всегда, остановился в доме своего старого друга. Правда, на этот раз в нем не было никого, кроме туговатой на ухо старухи. Темир пробыл в Отраре неделю, но Бердибек так и не появился. Некому было рассказывать, какое неслыханное предательство совершила Таншолпан-Жулдыз, за что и поплатилась жизнью. В конце концов Темир отправил в Яссы гонца.

Время было обеденное, но прежде чем приступить к трапезе, следовало совершить намаз. Коснувшись лбом молитвенного коврика-жайнамаза, он хотел выпрямиться и поклониться еще раз, как вдруг упал лицом на землю и остался лежать неподвижно...

Быстрее ветра разлетелась весть о смерти Темира по всей округе. В первую очередь она достигла ушей обоих внуков – Хусаина и Халела, возглавлявших

два крыла его войска. В тот же мир они, не сговариваясь, один из Испиджаба, другой из Ясс, наперегонки устремились в Мавераннахр. От резвости их коней зависело, кому достанется освободившийся трон, и каждый из всадников в мечтах уже видел себя эмиром.

А великий завоеватель, когда-то в молодости звавшийся Темиром, потом Хромым Темиром, лежал, распластавшись на земле, головой к Кубле, где находилась священная Мекка.

Альфия, не зная, что предпринять, набросилась на глухую старуху:

– Это ты, старая карга, подсыпала ему яд?

– Что ты сказала? – переспросила та.

– Ты дала ему яда?

– Не пойму, о чем ты!

– Ты убила его, подсыпав в еду отраву?

– Эй, зачем ерунду говорить! – наконец-то расслышала старуха. – За мной такого не водится. Аллах велик, – того, кто не нужен на земле, он призывает на небо.

Итак, в 1405 году в возрасте шестидесяти девяти лет в городе Отраре на пороге дома Бердибека умер грозный завоеватель, прозванный Темиром Прозорливым. В этот момент не было рядом ни одного из его восемнадцати сыновей и дочерей, ни одного из более чем сорока внуков. Ни одной из трех его жен, не считая Улдай и Таншолпан-Жулдыз. Не довелось омыть слезами тело своего супруга ни Сарай-Мулюк, ни красавице Таукель, ни Туман-Катын. Над ним, опустив голову, стоял только один человек, и этим человеком была застывшая в скорбном молчании Альфия, похожая в своей неподвижности на лазурный, плавающий на солнце самаркандский камень, какие обычно устанавливают на гробницах-беитах. Даже слезы не текли из ее окаменевших от горя глаз.

Гнетущую тишину прерывало только бессвязное бормотание глухой бердибековской старухи: «Солнце взошло... Ветер утих... Прилетели птицы... Праздник окончился...» Альфия хотела поднять голову и взглянуть на небо, но вдруг, почувствовав, как все поплыло перед глазами, упала на мертвое тело.

Сотрясаясь от беззвучных рыданий, долго лежала она, обнимая Темира. Глухая старуха не подошла, чтобы помочь ей подняться. Снова послышалось ее прерывистое бормотание:

– Солнце взошло... Ветер утих... Прилетели птицы... Праздник окончился...

И словно отвечая старухе, в тон ей, начала бормотать Альфия:

– Солнце не взошло. Ветер не стих. Птицы не прилетели. Праздник не кончился... Наоборот, он только разгорается. Тучи нависли над Каратау и Алаем. Близится черная буря. Скоро она перейдет в дождь, в ливень, в град вперемешку со снегом. На утопающей в крови земле Мавераннахра вновь начинается борьба за трон...

Перевод с казахского Лидии Степановой

